СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Д. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 9. НОЯБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1871 года.

ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ.

(Романъ для дѣтей).

ГЛАВА I.

Аленушка.

На крутомъ берегу маленькой, но свѣтлой и быстрой рѣчки лѣпилась бѣдная деревушка, состоявшая всего изъ какой-нибудь дюжины домиковъ. Домики эти полуразвалившіеся, почернѣлые отъ времени, грустно смотрѣли на міръ Божій своими крошечными окошечками, часто вмѣсто стеколъ заткнутыми бумагой. Еще лѣтомъ, когда кругомъ все зеленѣло, когда съ одной стороны откосъ берега покрывался мягкимъ ковромъ свѣжей травы, а съ другой виднѣлись поля съ молодыми всходами хлѣбовъ, деревенька могла показаться довольно сносною. Но зимой, когда все кругомъ было завалено снѣгомъ, когда самые домики казались до половины зарытыми въ немъ, зимою вѣроятно мало кому пришла бы охота поселиться здѣсь. Внутренность этихъ домиковъ вполнѣ соотвѣтствовала ихъ наружности: они были темны, грязны, съ закоптѣлыми стѣнами и потолками, по большей части безъ трубъ, лѣтомъ въ нихъ было темно и душно, зимой дуло изъ щелей. Непривычный человѣкъ не выжилъ бы здѣсь и недѣли; но хозяева привыкли къ своимъ жилищамъ, они конечно не прочь бы выстроить дома попросторнѣй и почище, продѣлать большія окна, вывести красивыя печи, да вѣдь на все это нужны деньги, а откуда ихъ взять, когда земля песчаная, хлѣба родитъ не много, ни фабрикъ, ни заводовъ, гдѣ бы можно заработать лишній рубль, по близости нѣтъ.

Въ одной изъ избъ, едва ли не самой бѣдной и ветхой,

около окна на скамейкѣ сидѣла дѣвочка лѣтъ 8. Она держала на колѣняхъ толстый холстинный мѣшокъ, а въ рукахъ иголку съ ниткою. Вѣроятно ей слѣдовало шить, но на самомъ дѣлѣ работа мало занимала ее. Она заглядывала въ окно, черезъ которое виднѣлась толпа деревенскихъ ребятишекъ, собравшихся играть на берегу рѣчки, и безпрестанно повторяла однообразнымъ, заунывнымъ голосомъ.

«Баба, пусти меня поиграть съ ребятками»!

Эта просьба, повторенная нѣсколько разъ, видимо надоѣла наконецъ старухѣ, копошившейся около печки.

«Полно тебѣ ныть-то»! прикрикнула она на лѣнивицу, «ты кончи работу, да тогда и иди себѣ играть! срамъ какой! цѣлый день таскаетъ мѣшокъ, дошить не можетъ! Я вотъ ужо дядѣ скажу, какъ придетъ»!

Дѣвочка взялась за работу. На щекахъ ея показались слезы и все ея смуглое, загорѣлое личико приняло самое печальное выраженіе.

«Всѣ ребятишки играютъ, я одна все сиди, да работай», заговорила она плаксивымъ голосомъ.

«Глупа ты, Аленушка, вотъ что», отозвалась старуха болѣе ласковымъ голосомъ. «Ты бы тò подумала, нѣтъ у тебя ни отца, ни матери, живешь ты у дяди, онъ насъ съ тобой стараго да малаго кормитъ, поитъ, безъ него намъ бы съ тобой побираться надо идти, Христовымъ именемъ жить! Такъ какъ же намъ для него не работать, ему не угождать? Слышала, онъ говорилъ вечоръ: «Надо на мельницу ѣхать, муки привезти, а мѣшокъ весь разлезся»! Ну ты ему и сшей новый, лепешки изъ муки то чай будемъ ѣсть, а»?

«Я бы лучше не ѣла, только бы поиграть теперь», проговорила дѣвочка и подняла на старуху свои большіе, темные глаза съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, что та не устояла.

«Не ѣла! какъ же, знаемъ мы тебя»! сказала она, «ну да ужъ ладно, что съ тобой дѣлать, давай, я можетъ дошью, еще видятъ кое-какъ глаза, поди поиграй».

Дѣвочка бросила работу на лавку, быстро подскочила къ старухѣ, кинулась ей на шею, крѣпко сжала ея своими худенькими рученками, нѣжно поцѣловала въ сморщенную щеку и прежде чѣмъ та успѣла сказать еще хоть слово, исчезла изъ избы.

Старуха полуразсерженная, полудовольная ласковостью ребенка, усѣлась у окна на мѣсто внучки и принялась за ея брошенную работу.

Между тѣмъ звонкій голосъ Аленушки уже раздавался на берегу рѣки въ толпѣ другихъ дѣтей. Выбѣжавъ изъ темной избы и присоединившись къ своимъ товарищамъ, дѣвочка точно совсѣмъ переродилась. Она откинула назадъ темные волосы, безпорядочными прядями падавшіе на ея лобъ, глаза ея заблистали и засверкали дѣтскою веселостью, губки, сжимавшіяся и вытягивавшіяся такъ печально и даже сердито, теперь весело улыбались.

Всякій взглянувъ на нее въ ту минуту, какъ она стояла на берегу рѣки, придумывая вмѣстѣ съ другими дѣтьми какую затѣять игру, назвалъ бы ее и очень красивою, и очень счастливою дѣвочкою. И въ эту минуту она дѣйствительно была очень счастлива, съ беззаботностью дѣтства забыла она всѣ свои горести и собиралась отъ души веселиться. Ее нисколько не тревожило, что ноги ея были босы, что ея коротенькій холстинный сарафанъ былъ покрытъ очень не красивыми заплатами, что рубашка ея не отличалась ни тонкостью, ни чистотой. Что за бѣда! Подруги ея были одѣты немногимъ лучше, да она по правдѣ сказать на одежду никогда и не смотрѣла, только бы побѣгать да поиграть.

«Давайте играть въ волки»! предложилъ одинъ высокій, бѣлокурый мальчуганъ, «я буду волкомъ, Ѳедя пусть будетъ пастухомъ, а кто нибудь собаками, а другіе коровами.

«Нѣтъ лучше я буду волкомъ», сказала Аленушка.

«Я хочу быть собакой»! закричала одна дѣвочка.

«Нѣтъ я»! заспорила другая.

«И я, и я также»! закричало еще нѣсколько голосовъ.

«Я не хочу быть пастухомъ»! заворчалъ Ѳедя.

«Чѣмъ спорить», предложила одна изъ старшихъ дѣвочекъ, «давайте лучше бросать камешки въ рѣку; чей дальше, тотъ волкъ, чей послѣ него, тотъ собака, а чей всѣхъ ближе, тотъ пастухъ».

Умный совѣтъ былъ принятъ и скоро роли раздѣлились. Нашей Аленушкѣ страхъ какъ хотѣлось попасть въ волки, но именно оттого то она слишкомъ поторопилась и не попала даже въ собаки. Пастухомъ пришлось быть Ѳедѣ, толстенькому

5 лѣтнему карапузу, который былъ совсѣмъ плохъ для бѣганья, и которому потому всегда назначали самое легкое дѣло. Волкомъ сдѣлался именно тотъ мальчикъ, который предложилъ игру. Онъ былъ очень ловокъ, силенъ и убѣжать отъ него стаду было дѣло не легкое. Дѣйствительно не прошло и 10 минутъ, какъ все стадо было имъ переловлено и загнано въ кусты, и даже собака отправлена туда же. Одинъ только пастушокъ печально сидѣлъ на камешкѣ, изображавшемъ его домъ, да Аленушка не давалась въ руки хищника. Пока онъ преслѣдовалъ другихъ, она держалась въ сторонѣ, а теперь, когда увидѣла, что осталась одна, употребляла всю свою силу и ловкость, чтобы не поддаться ему. Она знала, что на открытомъ мѣстѣ ей не спастись отъ своего противника, который былъ на цѣлую голову выше ея, и потому пользовалась каждымъ кусточкомъ, чтобы спрятаться отъ него, и смущала его неожиданными поворотами изъ стороны въ сторону. Сеня, такъ звали волка, загналъ наконецъ ловкую козочку (Аленушка была слишкомъ прытка, чтобы представлять неуклюжую корову) на самый берегъ рѣки, гдѣ ей нельзя было бѣжать иначе какъ въ прямомъ направленіи.

Теперь побѣда должна была остаться за нимъ, съ каждымъ шагомъ онъ болѣе и болѣе приближался къ своей жертвѣ, Аленушка чувствовала опасность, уже готова была поддаться, вдругъ смотритъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде черезъ рѣчку проходилъ мостъ, лежитъ дощечка, опираясь однимъ концомъ на берегъ, другимъ на камень посрединѣ рѣки. Не долго думая, смѣлая дѣвочка вбѣжала на эту дощечку и весело покачивалась на ней, между тѣмъ какъ ея преслѣдователь въ изумленіи остановился на берегу.

Дощечка была узенькая, а главное полугнилая, такъ что онъ не рѣшался ступить на нее, Аленушка же громко хохотала, раскачиваясь надъ водой.

Дѣти до того занялись своею игрой, что не замѣтили приближенія постороннихъ. А между тѣмъ на берегу рѣки не далеко отъ дощечки, на которой стояла Аленушка, сидѣла уже нѣсколько минутъ молодая, изящно одѣтая дама съ маленькой, не менѣе изящно одѣтой дѣвочкой. Онѣ должно быть возвращались съ прогулки и дѣвочка засмотрѣлась на игру дѣтей; когда Аленушка вскочила на доску, она даже вскрикнула отъ

удовольствія, что та спаслась отъ волка. Дама до тѣхъ поръ разсѣянно глядѣвшая по сторонамъ, обернулась посмотрѣть, что такъ заинтересовало ея дочь, и съ любопытствомъ даже съ какимъ-то изумленіемъ устремила глаза на Аленушку. Дѣйствительно на дѣвочку можно было заглядѣться въ эту минуту: заходящее солнце обливало ее своими золотистыми лучами, и это нѣсколько фантастическое освѣщеніе придавало необыкновенную красоту ея и безъ того хорошенькому личику. Вѣтеръ развѣвалъ ея каштановые волосы, смуглыя щечки ея разгорѣлись отъ продолжительнаго бѣга, пунцовыя губки ея весело улыбались, выказывая крошечные бѣленькіе зубки, глазки ея блестѣли и искрились, какъ двѣ звѣздочки на небѣ. Даже старенькій коротенькій сарафанъ не портилъ ее. Онъ также развѣвался по волѣ вѣтра и не закрывалъ нисколько голенькихъ ножекъ, правда довольно грубыхъ и красненькихъ, но такихъ маленькихъ и такъ красиво выточенныхъ, что всякій невольно назвалъ бы миленькими. Случись по близости живописецъ, онъ навѣрно тотчасъ бы затѣялъ срисовать портретъ маленькой деревенской красавицы, впрочемъ еслибы онъ былъ при этомъ и человѣкъ добрый, онъ прежде всего постарался бы снять неосторожную дѣвочку съ хрупкой доски, на которой жизнь ея подвергалась опасности. Надобно думать, что дама, любовавшаяся на Аленушку, не принадлежала къ числу такихъ добрыхъ людей: она глядѣла на дѣвочку, какъ на хорошенькую картинку, и ей въ голову не приходила мысль, что это живой ребенокъ, который каждую минуту можетъ слетѣть въ воду и дорого поплатиться за свою шалость.

Между тѣмъ товарищи Аленушки, мало обращавшіе вниманія на красоту, соскучились ждать и смотрѣть, какъ Аленушка покачивается на своей дощечкѣ, а бѣдный волкъ ходитъ по берегу, не зная на что рѣшиться, и объявили игру конченною, съ тѣмъ что въ слѣдующей Аленушка можетъ быть волкомъ, а въ этотъ разъ она не поймана.

Аленушка сбѣжала на твердую землю и всѣ дѣти съ веселымъ крикомъ отправились на лужокъ, гдѣ должно было пастись новое стадо.

«Ну пойдемъ теперь домой, Лида», сказала дама своей дочери, «становится сыро, ты такъ легко одѣта, мой ангелъ»!

«Мама», заговорила Лида, вставая съ мѣста, чтобы слѣдовать за матерью», какъ весело играютъ эти деревенскія дѣти! Мнѣ бы очень хотѣлось побѣгать съ ними».

«Фи, дружокъ, какъ можно! ты видишь какія они всѣ грязныя, дурно одѣтые, какъ они кричатъ, хохочатъ, хватаютъ другъ друга! Подожди, вотъ осенью вернемся въ Петербургъ, ты опять будешь играть въ Лѣтнемъ саду съ своими подругами, вѣдь онѣ же лучше этихъ ребятишекъ, не правда ли»?

«Да, конечно», нехотя согласилась Лида.

«А, мама, вѣдь хорошенькая дѣвочка стояла на мостикѣ, правда»?

«Да, очень, необыкновенно хорошенькая, даже удивительно, какъ явилась такая красавица среди всей этой грязи и бѣдности. Надо непремѣнно узнать чья она. А теперь пойдемъ поскорѣе, моя радость, я такъ боюсь за тебя этой сырости»!

Онѣ прибавили шагу и вскорѣ подошли къ калиткѣ сада изъ за деревьевъ котораго виднѣлся большой барскій домъ, гдѣ на балконѣ ихъ уже давно ожидалъ чай съ густыми деревенскими сливками и разными вкусными булочками.

Между тѣмъ грязные деревенскіе ребятишки продолжали свою веселую игру, хотя солнышко уже сѣло и сырой, довольно холодный туманъ спустился на рѣку и ея берега. Но вотъ на улицу стали выходить изъ избъ матери играющихъ и, кто ласково, кто ворчливо, звали дѣтей домой. Всѣ взрослые уже вернулись съ работъ, надобно было поскорѣе ужинать, да и ложиться спать, чтобы завтра опять встать съ восходомъ солнца и опять приниматься за тяжелую, лѣтнюю работу. Аленушку никто не звалъ и она оставалась на улицѣ, пока не разошлись всѣ остальные и голодъ не напомнилъ ей, что и ее дома ждетъ ужинъ, хоть скудный. Оживленная игрой, веселая и беззаботная вбѣжала она въ свою избу, гдѣ за столомъ уже сидѣлъ ея дядя, ожидая ужина, который подавала бабушка.

«Опять ты цѣлый день шаталась, мерзкая дѣвчонка», закричалъ дядя на входившую дѣвочку.

«Я съ ребятами играла, меня бабушка пустила», проговорила испуганнымъ голосомъ Аленушка, и вся веселость ея въ мигъ исчезла.

«Бабушка! бабушка балуетъ тебя, вотъ что, за тебя надо

мнѣ самому приняться! вотъ сломлю хорошій прутъ, да отстегаю тебя, такъ забудешь у меня бѣгать, живо научишься работать»!

Крупныя слезы покатились изъ глазъ Аленушки, она закрыла лице рукавомъ рубашки и молча ушла въ уголъ, за дверь. Она чувствовала, что не виновата, что играла не больше другихъ дѣтей, но знала, что дядя строгъ, что подъ сердитую руку онъ готовъ не только разбранить, но даже избить за какое нибудь невпопадъ сказанное слово.

Бабушкѣ жаль стало обиженную дѣвочку.

«Полно, Пахомушка», обратилась она къ сыну, чего ты напустился на ребенка»!

«Ты заказалъ ей сшить тебѣ мѣшокъ, ну вонъ она сшила, видишь славный какой! а что поиграла она маленько съ ребятками, такъ это не бѣда, вѣдь не величка она еще! Подожди, подростетъ, будетъ намъ работницей хорошей»!

«Будетъ, жди! А пока корми да пои ее, а можетъ еще и толку съ нея никакого не выйдетъ. Ну чего, морду воротишь! Не велика важность, что дядя прикрикнулъ, безъ этого съ вами, дѣвками, нельзя! Иди, знай, сюда, жри! на это ты мастерица»!

«Иди, Аленушка, матушка», приголубила бабушка все еще плакавшую дѣвочку, «иди родименькая, а то дядя больше осерчаетъ, иди покушай киселька, ты вѣдь любишь».

Аленушка вышла изъ своего уголка печальная съ заплаканными глазами, едва сдерживая рыданья; чтобы не разсердить дядю, сѣла за столъ. На ужинъ бабушка подала гороховый кисель, любимое кушанье дѣвочки и видъ его нѣсколько разсѣялъ ея печаль, тѣмъ болѣе, что и дядя сталъ къ ней поласковѣе; онъ даже помѣнялся съ ней ложками, далъ ей свою новенькую, росписную, а самъ сталъ ѣсть старой, сломанной.

Всѣ ѣли молча, уже къ самому концу ужина дядя заговорилъ:

«Вотъ, Аленка, дѣвка ты большая, работать не любишь, дома не сидишь, а хоть бы шаталась то съ толкомъ. Вонъ у Михѣя, кузнеца, сынишка, меньше тебя будетъ, а какой шустрый мальчишка; узналъ, что въ село пріѣхали господа, пошелъ въ лѣсъ, насбиралъ земляники, снесъ имъ, а они то ему за маленькій кузовокъ да серебрянный гривенникъ дали. Чтобъ этакъ тебѣ сходить по ягоду, все гривенничекъ, другой принесла бы въ домъ»!

«И вза-правду, Ленушка», подхватила бабушка, «что такъ то мотаться! Сходила бы къ господамъ, такъ они бы тебѣ можетъ еще и старенькое платьишко какое подарили, они, говорятъ, добрые»!

Глазки Аленушки опять весело заблистали. «Хорошо, баба, я завтра же чѣмъ свѣтъ пойду въ ягоду. Тамъ въ лѣсу, что за полемъ, такая куча земляники, мы намедни съ дѣвками ужъ ѣли, ѣли ее, все не могли пріѣсть».

«Да ты иди не ѣсть, а собирать для господъ, да за кузовокъ то смотри меньше гривенника не бери», прикрикнулъ дядя.

Аленушка и на это была согласна. Идти рано утромъ въ лѣсъ за ягодами было для нея не малымъ удовольствіемъ. Часто убѣгала она туда потихоньку, пока бабушка не засадитъ за работу или дядя не дастъ какого нибудь порученія. А тутъ еще сами посылаютъ, значитъ можно идти безъ всякаго страха. Продажа ягодъ господамъ представлялась ей также довольно веселою вещью. Не разъ проходя мимо длиннаго забора господскаго сада, она подглядывала туда черезъ рѣшетку и ей очень хотѣлось погулять по хорошенькимъ аллеямъ, усыпаннымъ желтенькимъ песочкомъ, и посмотрѣть, какъ люди живутъ въ этомъ большомъ красивомъ домѣ съ бѣлыми выштукатуренными стѣнами и зелеными ставнями. Конечно, идти туда одной ей было страшно, но она подзоветъ съ собой свою подругу Таню, та ужъ большая, ей 12 лѣтъ и притомъ она не боится никого на свѣтѣ, съ нею нигдѣ не страшно. Съ этими веселыми мыслями Аленушка крѣпко заснула на своей далеко не роскошной постелькѣ, состоявшей изъ кучки сѣна, припасенной для нея доброй бабушкой въ углу за печкой.

На другое утро, прежде чѣмъ первые лучи солнца показались изъ за горизонта, дядя Пахомъ уже всталъ, чтобы ѣхать на мельницу за мукой. Аленушка слышала, какъ вставалъ ея дядя, какъ онъ нѣсколько разъ то выходилъ изъ избы, то опять возвращался въ нее, снаряжаясь въ путь, но она лежала смирнехонько, боясь, что дядя, пожалуй, передумаетъ посылать ее за ягодами и опять дастъ ей какую нибудь скучную работу. Только услышавъ на дворѣ понуканье дяди, а затѣмъ шумъ отъѣзжавшей телѣги, она вскочила съ постели, набросила на себя сара-

фанъ и подбѣжала къ бабушкѣ съ просьбой дать ей кузовокъ для ягодъ.

«Ахъ ты, глупая дѣвка, какъ посмотрю я на тебя», проговорила бабушка, «ну чего обрадовалась? еще глаза не продрала порядкомъ, а ужъ бѣжать. Ты сперва умойся, да лобъ перекрести, да надѣнь рубашку почище, да тогда объ кузовкѣ хлопочи»!

Аленушка торопливо исполнила все, что приказывала старушка и минутъ черезъ 10 уже весело бѣжала на противоположный конецъ деревни къ домику, гдѣ жила Таня. Отецъ и мать Тани ушли на работу, оставивъ ее дома смотрѣть за 7-лѣтнимъ братишкой и за годовалою сестренкой. Таня разсудила, что 7-лѣтній мальчикъ можетъ быть отличною нянькой для маленькаго ребенка, и потому заперла обоихъ дѣтей въ избѣ, строго наказавъ имъ никуда не выходить до ея возвращенія, и съ радостью побѣжала въ лѣсъ вмѣстѣ съ маленькой подругой.

Утро было ясное, свѣжее. Только что взошедшее солнце не жгло, а какъ то ласково пригрѣвало своими лучами. На всѣхъ лугахъ и поляхъ блестѣли алмазами тысячи капелекъ росы, рѣчка серебристой ленточкой струилась между зелеными берегами, блестя на солнышкѣ и отражая безоблачное небо, птички безъ умолку пѣли и щебетали въ кустахъ, все казалось такимъ веселымъ, такимъ праздничнымъ. Но едва-ли не веселѣе всѣхъ были двѣ подруги шедшія съ кузовками въ рукахъ за грибами въ лѣсъ. Онѣ то пускались бѣжать въ перегонку по дорогѣ, то перепрыгивали черезъ канавы и разные камни, то взявшись за руку шли тихонько, безъ умолку болтая о разныхъ разностяхъ.

Въ лѣсу оказалось дѣйствительно столько ягодъ, какъ говорила Аленушка. Дѣвочки безъ труда наполнили свои корзинки, да и сами вдоволь налакомились. Онѣ захватили изъ дому по куску чернаго хлѣба и теперь съ большимъ аппетитомъ поѣли его вмѣстѣ со спѣлой, сочной земляникой.

Солнце стояло уже довольно высоко когда онѣ рѣшились наконецъ выйти изъ лѣсу и отправиться къ господамъ. Сердце Аленушки немного билось, когда Таня, смѣлою рукой, отворила калитку барскаго сада и потащила ее прямо по усыпанной пескомъ аллеѣ къ балкону дома. На маленькой лужайкѣ передъ этимъ балкономъ стоялъ круглый столъ, покрытый бѣлою скатертью, на немъ шипѣлъ и дымился серебрянный самоваръ, окру-

женный всѣми принадлежностями къ чаю, но людей никого небыло видно. Это нѣсколько ободрило Аленушку, она рѣшилась, по примѣру Тани, подойти поближе къ столу и оглядѣться кругомъ. Черезъ нѣсколько секундъ дверь дома отворилась и на балконъ вышла молоденькая дѣвица въ пышномъ кисейномъ платьѣ и въ огромномъ шиньонѣ, ведя за руку ту самую Лиду, которую мы уже видѣли на берегу рѣки. Дѣвочка тотчасъ замѣтила двухъ крестьяночекъ и подбѣжала къ нимъ.

«Что вамъ надо? зачѣмъ вы пришли»? спросила она нѣсколько рѣзкимъ голосомъ.

«Мы принесли ягодокъ вашей милости», заговорила Таня, между тѣмъ какъ смущенная Аленушка спряталась за спину подруги.

«Ягодъ? земляники? Я скажу мамѣ»! и Лидочка побѣжала назадъ домой. Черезъ нѣсколько секундъ она возвратилась. «Мама велѣла взять у васъ землянику и заплатить вамъ, объявила она. Mademoiselle обратилась она затѣмъ по французски къ дѣвицѣ въ шиньонѣ, возьмите у нихъ ягоды».

Mademoiselle принесла блюдо и начала высыпать на него ягоды. Аленушка подала свой кузовокъ и смущенная, покраснѣвшая съ опущенными глазами ждала, чтобы его ей возвратили. Въ эту минуту на балконъ вышла мать Лиды. Бросивъ бѣглый взглядъ на дѣвочекъ, она сразу узнала ту, которая такъ понравилась ей наканунѣ.

«Посмотрите, mademoiselle», сказала она по французски, «это вчерашняя красавица, о которой я вамъ разсказывала».

Потомъ подойдя къ дѣтямъ, она подала Танѣ мѣдный пятакъ, говоря: «Ну, ты можешь уйти, голубушка, а сестра твоя пусть останется у насъ немножко, мнѣ хочется поговорить съ нею».

«Она мнѣ не сестрица, сударыня», отвѣчала Таня, «мы только съ ней съ одной деревни, пусть она, коли хочетъ, остается, а мнѣ ужъ надо скорѣй домой»!

«Ну ступай себѣ съ Богомъ, приноси намъ и въ другой разъ земляники. А ты, милая, останься!» обратилась барыня къ Аленушкѣ.

Аленушкѣ вовсе не хотѣлось оставаться. Она посмотрѣла на Таню, но та, отвѣсивъ присутствующимъ низкій поклонъ, зашагала вонъ изъ сада, Аленушка посмотрѣла кругомъ себя, такіе

нарядные господа, какъ же имъ сказать не хочу; бѣдная дѣвочка рѣшилась, скрѣпя сердце, остаться и ждать, что будетъ.

«Ну-ка подыми головку», опять ласковымъ голосомъ заговорила барыня, «скажи намъ, какъ тебя зовутъ»?

«Алена».

«Алена? что за имя! должна быть Елена? Что Елена, есть у тебя отецъ и мать»?

«Нѣтъ».

«У кого же ты живешь»?

«У дяди».

«Добрый онъ»?

«Нѣтъ».

«Бьетъ тебя»?

«Да».

«Бѣдное дитя»! опять обратилась барыня по французски къ mademoiselle.

«Мама», сказала Лида также по французски, «эта дѣвочка не грязная, позвольте ей поиграть со мной, мнѣ здѣсь скучно одной»!

Мама задумалась. Она еще разъ осмотрѣла Аленушку съ ногъ до головы и вѣроятно осмотръ этотъ оказался удовлетворительнымъ, потому что она сказала: «Елена! вотъ маленькая барышня хочетъ поиграть съ тобой. Посиди тамъ въ сторонкѣ на травкѣ, она напьется чаю и тогда придетъ къ тебѣ».

Аленушка покорно сѣла на указанное мѣсто; она съ благодарностью взяла кусочекъ сладкой булки, который подала ей mademoiselle.

Лидочка спѣшила пить чай, чтобы скорѣе идти къ своей новой подругѣ. Она ужасно скучала въ деревнѣ, гдѣ ее мало учили, гдѣ mademoiselle большую часть времени проводила съ ея матерью въ чтеніи какихъ то французскихъ романовъ, гдѣ у нея не было ни одной подруги, и куда ей не позволили даже перевезти всѣхъ городскихъ игрушекъ. Наканунѣ ей было очень интересно смотрѣть на игру крестьянскихъ дѣтей, она въ душѣ даже позавидовала имъ и теперь она надѣялась, что эта маленькая крестьяночка, такая ловкая и веселая забавитъ ее и заставитъ забыть деревенскую скуку. На скоро выпивъ чай, она сейчасъ же подбѣжала къ Аленушкѣ и повела ее съ собой въ бесѣдку, гдѣ

было устроено лѣтнее помѣщеніе для ея куколъ, лошадокъ, коровокъ и другихъ игрушекъ. Аленушка чувствовала сильное смущеніе. Она совсѣмъ не знала, какъ ей говорить и обращаться съ такой нарядной, бѣленькой, деликатной барышней, какъ Лидочка, куклы же въ ихъ пышныхъ туалетахъ внушали ей положительно страхъ. Она не смѣла своими грубыми, загорѣлыми пальцами дотрогиваться до бѣленькихъ ручекъ этихъ важныхъ барынь, почти не смѣла подходить къ нимъ. Но мало по малу она оправилась. Лидочка была такъ весела, такъ привѣтлива и ласкова къ ней, лайковыя барыни сидѣли такъ неподвижно, выказывали такъ мало неудовольствія при самомъ безцеремонномъ обращеніи съ ними, что Аленушка понемногу ободрилась. Черезъ часъ она уже довольно свободно разговаривала съ Лидочкой и дотрогивалась до ея игрушекъ, а черезъ два даже выдумала очень занимательную игру, которая заставляла обѣихъ дѣвочекъ громко хохотать. Мать Лидочки и гувернантка ея нѣсколько разъ входили въ бесѣдку посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти и видя, что Лидочка весела, а Аленушка ведетъ себя прилично, уходили довольныя. Лидочка попросила, чтобы ей принесли завтракъ въ бесѣдку и подѣлилась имъ съ своей подругой, но передъ обѣдомъ Лидія Павловна (такъ звали мать) объявила Аленушкѣ, что она можетъ отправляться домой. Лидочка надула губки и готова была заплакать. Въ утѣшеніе ей Лидія Павловна сказала Аленушкѣ, что она можетъ всякое утро приходить играть съ барышней. Обѣ дѣвочки остались очень довольны этимъ позволеніемъ, онѣ нѣжно поцѣловались на прощанье и Лидочка проводила свою новую подругу до самой калитки сада, безпрестанно повторяя:

«Такъ ты придешь завтра? смотри же непремѣнно приходи! я буду тебя ждать»!

«Приду, приду», отвѣчала Аленушка, «ранешенько приду, еще вы спать будете»!

Весело, даже съ нѣкоторою гордостью, возвращалась Аленушка домой. Она совсѣмъ забыла приказъ дяди не продавать ягодъ меньше какъ за гривенникъ, совсѣмъ забыла, что ей ничего не заплатили за ея ягоды и съ восторгомъ представляла себѣ, какъ будетъ удивляться бабушка ея разсказамъ о всемъ, что она видѣла въ барскомъ домѣ. Дѣйствительно старушка и удивилась, и обрадовалась, узнавъ, что ея внучка попала въ милость къ

господамъ. Она погладила Аленушку по кудрявой головкѣ и ласково сказала:

«Это тебѣ, сиротинушкѣ, Богъ счастье посылаетъ. Ты барямъ угождай, такъ и отъ нихъ милость убидишь, твое дѣло сиротское, всякому должна услужить»!

Дядя Пахомъ возвратясь домой вечеромъ и узнавъ о приключеніяхъ своей племянницы, не остался доволенъ ими:

«Нечего тебѣ баловаться, въ барскіе хоромы лѣзть», сердито проворчалъ онъ, «ты мужичка, такъ и знай свою работу мужицкую».

Аленушкѣ очень не понравились эти слова дяди, она не смѣла возражать ему, но такъ какъ онъ не запретилъ ей положительно ходить къ господамъ, то она и рѣшила, не обращая вниманія на его ворчанье, отправиться туда на другой же день. Бабушка вполнѣ поддерживала ее въ этомъ. На слѣдующее утро она сама тщательно причесала ей голову, дала ей надѣть ситцевый сарафанъ и повязала ей на шею свой собственный новенькій ситцевый платочекъ. Аленушка пришла въ господскій садъ такъ рано, что вся даже прислуга въ домѣ спала и успѣла вдоволь нагуляться въ саду и во дворѣ и даже нарвать на лугу цѣлый букетъ полевыхъ цвѣтовъ, прежде чѣмъ Лидочка встала. Этотъ день прошелъ для обѣихъ дѣвочекъ еще веселѣе вчерашняго, такъ какъ онѣ уже совершенно познакомились и Аленушка не дичилась больше.

Она даже стала слишкомъ развязна и совершенно безцеремонно хватала за руки и за платье барышню, называя её просто «Лида» и «ты». Это не понравилось Лидіи Павловнѣ.

«Послушай, дѣвочка», сказала она строгимъ голосомъ, «барышня такъ добра, что позволяетъ тебѣ играть съ собой, но ты не должна забываться».

Это замѣчаніе очень смутило Аленушку. Какъ ни мала она была, но она поняла или лучше сказать почувствовала, что не можетъ быть веселой игры тамъ, гдѣ нѣтъ равенства между играющими и ей на минуту показалось, что лучше идти домой къ своимъ подругамъ, которыхъ можно называть, какъ угодно. Но это продолжалось только одну минуту. Лидія Павловна вышла изъ бесѣдки, а Лидочка, замѣтя смущеніе своей подруги, поспѣшила утѣшить ее.

«Полно», сказала она, ласкаясь къ ней. «Ты меня только при большихъ называй «барышней», а когда мы однѣ такъ мнѣ все равно, какъ ты меня зовешь. Ну давай же играть»!

И Аленушка, забывъ свое минутное огорченіе, весело принялась за игру.

Съ этихъ поръ она стала каждый день приходить къ Лидочкѣ. Иногда ее оставляли у господъ на цѣлый день, иногда же отправляли домой раньше, смотря по тому была ли у матери и у гувернантки охота заниматься съ Лидочкой или имъ пріятнѣе было дочитывать свой романъ, предоставляя дѣтямъ играть на свободѣ. Обѣ дѣвочки очень подружились между собой. Аленушка никогда въ жизни не видала игрушекъ, и потому бесѣдка наполненная ими казалась ей какимъ то волшебнымъ замкомъ, въ которомъ часы летѣли незамѣтно. Чтобы не лишиться позволенія приходить въ эту бесѣдку, она готова была исполнять множество капризовъ Лидочки и во многомъ уступать ей. Лидочка съ своей стороны очень дорожила деревенской подругой, которая была такъ весела, такъ изобрѣтательна на новыя игры, она боялась обижать Аленушку, боялась, что та, пожалуй, перестанетъ приходить къ ней и старалась обращаться съ ней какъ можно ласковѣе. Конечно безъ маленькихъ ссоръ дѣло необходилось; но ссоры эти бывали не продолжительны: каждая дѣвочка чувствовала, что для собственнаго удовольствія должна поддерживать миръ, и согласіе скоро возстановлялось. Лидіи Павловнѣ и mademoiselle Аленушка нравилась. При нихъ дѣвочка чувствовала себя неловко и потому была тиха и почтительна. Кромѣ того она забавляла Лиду, что давало имъ возможность цѣлый день не заботиться о ней и за это онѣ были благодарны маленькой крестьянкѣ. Свою благодарность mademoiselle выражала кусочками сахара и булки, пирожками и конфектами, которые она совала въ руку Аленушкѣ, почти всякій день при уходѣ ея домой, а Лидія Павловна болѣе существенными подарками: она нѣсколько разъ давала Аленуштѣ денегъ для передачи бабушкѣ, кромѣ того купила ей ситцу на два сарафана, коленкору на рубашки, чулки и башмаки. Всѣ эти подарки очень радовали Аленушку, а еще болѣе радовали они ея бабушку, гордившуюся тѣмъ, что изъ всѣхъ дѣтей деревни, господа оказывали милость одной только ея внучкѣ.

Такъ прошло все лѣто. Приближалась средина августа и господа стали поговаривать объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Когда Аленушка услышала въ первый разъ отъ Лиды о томъ, что имъ осталось поиграть вмѣстѣ всего нѣсколько дней, она разразилась такими горькими рыданіями, что Лидочка сама растрогалась и принялась плакать вмѣстѣ съ ней. Въ этотъ день дѣвочки почти не играли. Аленушкѣ тяжело было браться за игрушки, которыхъ она скоро совсѣмъ не увидитъ, а Лидочкѣ казалось, что безъ веселой подруги всѣ эти игрушки будутъ скучны и не занимательны. Аленушка рано ушла домой, печальная и унылая.

Въ тотъ же вечеръ Лидочка, сидя на скамеечкѣ у ногъ матери, сказала ей:

«Мама, знаешь, мнѣ совсѣмъ не хочется ѣхать въ Петербургъ».

«Что это значитъ, отчего»?

«Отъ того, что тамъ не будетъ Аленушки. Съ ней мнѣ такъ весело играть, какъ ни съ одной дѣвочкой! Мама, возмемъ ее съ собой»!

«Что ты, душенька, полно, что же она будетъ у насъ дѣлать»?

«Да играть со мной, мама! Мнѣ такъ скучно одной! Знакомыя дѣвочки пріѣзжаютъ не часто, да при нихъ надо всегда быть въ хорошемъ платьѣ, все смотрѣть какъ бы не запачкать или не смять чего-нибудь у нихъ или у себя, а Аленушка бы всегда была со мной, она такая славная, съ ней такъ весело! мама, душенька, возмемъ ее»!

«Ну объ этомъ еще надо подумать, дружокъ, да поговорить съ mademoiselle».

«Милая мамочка, дорогая, я буду такъ, такъ плакать, если ты не возмешь Аленушку»!

«Да и въ самомъ дѣлѣ не взять ли дѣвочку съ собой, подумала Лидія Павловна: она забавляетъ Лидочку, къ тому же она сирота и такая хорошенькая, это будетъ доброе дѣло».

Она посовѣтовалась съ mademoiselle; mademoiselle очень обрадовалась намѣренію Лидіи Павловны. Въ Петербургѣ Лидочка сильно скучала играть одна, и потому гувернанткѣ постоянно приходилось забавлять ее, выдумывать для нея разныя игры; она надѣялась, что при Аленушкѣ ея обязанность во многомъ облегчится, и потому совѣтовала Лидіи Павловнѣ взять дѣвочку съ собой.

На другой день Лидія Павловна послала за бабушкой и за дядею Аленушки. Они очень удивились, когда лакей пришелъ сказать имъ, что барыня зоветъ ихъ къ себѣ и испугались не напроказила ли чего нибудь ихъ Аленушка, въ то время бывшая въ господскомъ домѣ. День былъ воскресный, Пахомъ не работалъ, и потому пошелъ вмѣстѣ со старухой къ барынѣ.

Лидія Павловна велѣла позвать ихъ въ столовую и ласково заговорила съ ними; она распрашивала у нихъ большая ли у нихъ семья, много ли они работаютъ, достаточно ли живутъ, давно ли умерли родители Аленушки и наконецъ сказала:

«Вы люди не богатые, для васъ должно быть тяжело содержать дѣвочку, которая еще не скоро въ состояніи будетъ работать; мнѣ же она понравилась и дочка моя полюбила ее; отдайте ее мнѣ, я свезу ее съ собой въ Петербургъ и буду объ ней заботиться».

«Матушка, барыня, да за что же милость такая ваша намъ! Да мы весь вѣкъ за васъ будемъ Богу молить! Истинно, сиротское счастье нашей Аленушкѣ! Награди васъ Господь»! воскликнула старуха со слезами радости.

«Такъ значитъ рѣшено? вы мнѣ ее отдаете»? спросила Лидія Павловна? взглядывая на Пахома, который мрачно молчалъ.

«Вотъ что, сударыня, заговорилъ Пахомъ, я конечно человѣкъ бѣдный, для меня лишній кусокъ хлѣба много значитъ, а только я свою родню прокормить могу. Съ голоду Аленка не помретъ, живши со мною. Коли вы счастья ея хотите, такъ берите ее, я перечить не могу, а только, чтобы обиды не было у васъ дѣвкѣ! У богатыхъ вѣдь бываетъ, что и баре добрые, да прислуга злая, а я дочку моей сестры покойной въ обиду давать не хочу»!

Слова эти очень не понравились Лидіи Павловнѣ.

«Неужели вы думаете», сухо сказала она, «что я дамъ кому-нибудь въ обиду дѣвочку, которую возьму къ себѣ въ домъ. Если вы мнѣ не довѣряете, если вы думаете, что вашей племянницѣ у меня будетъ хуже жить, чѣмъ у васъ, то, конечно, вамъ лучше оставить ее у себя».

«Полноте, матушка, барыня», испугалась старушка, «не извольте гнѣваться, это онъ такъ сказалъ по своему глупому мужицкому разуму. Можетъ ли у насъ въ курной избѣ, быть жизнь лучше

чѣмъ въ вашихъ хоромахъ! Ужъ облагодѣтельствуйте нашу дѣвочку, мы ввѣкъ не забудемъ вашей милости. Поклонись, Пахомушка, барынѣ, куда тебѣ еще съ племянницей возиться, дастъ Богъ женишься, своя семья будетъ».

Похомъ поклонился, повинуясь словамъ матери, но лице его сохраняло прежнее мрачное выраженіе. Не смотря на свою всегдашнюю угрюмость, онъ былъ человѣкъ добрый и ему казалось грустно отдавать маленькую племянницу, хоть къ богатымъ, но чужимъ, незнакомымъ людямъ.

«Ну, такъ какъ же, отдаете мнѣ дѣвочку», еще разъ спросила Лидія Павловна.

«Отдаемъ матушка, благодаримъ васъ», отвѣчала старуха, бросаясь цѣловать руки барыни.

«Нельзя не отдать, можетъ вы счастье ея составите», со вздохомъ проговорилъ Пахомъ. «Только ужъ будьте милостивы, сударыня, не дайте сироту въ обиду». И онъ низко, чуть не до земли поклонился Лидіи Павловнѣ.

Такимъ образомъ судьба Аленушки была рѣшена, а она, ничего не подозрѣвая, весело бѣгала въ это время съ Лидочкой по аллеямъ сада.

ГЛАВА II.

Нелли.

Послѣ описанныхъ нами сценъ прошло болѣе полугода. Мы попросимъ читателя перенестись вмѣстѣ съ нами изъ той бѣдной деревеньки, гдѣ онѣ происходили, въ Петербургъ, въ одну изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ улицъ его. Тамъ въ большой комнатѣ, принадлежащей къ роскошной квартирѣ Лидіи Павловны Вязиной и установленной всевозможными игрушками и богатыми бездѣлками, сидитъ у окна дѣвочка, повидимому, внимательно слѣдящая за суетливымъ движеніемъ народа на улицѣ. На дѣвочкѣ надѣто свѣтлое шерстяное платьице и бѣленькій передничекъ, обшитый кружевцами, ножки ея обуты въ хорошенькіе прюнелевые сапожки, волоски гладко причесаны и обвязаны ленточкой мѣшающей имъ падать на лобъ и глаза. Въ этой маленькой барышнѣ трудно съ перваго взгляда узнать нашу ста-

рую знакомую Аленушку. Только вглядѣвшись поближе, и главное заставивъ ее разсмѣяться, такъ чтобы темные глазки заблистали по прежнему и пунцовый ротикъ опять показалъ рядъ жемчужинокъ, мы безошибочно скажемъ, что это прежняя хорошенькая деревенская дѣвочка. Городской костюмъ не послужилъ къ украшенію ея. Талія ея казалась какъ то неуклюжею въ платьѣ, отъ кружевныхъ нарукавничковъ руки ея казались еще болѣе красными и грубыми, чѣмъ въ деревнѣ, личико ея было далеко не такъ свѣжо и оживленно, какъ полгода тому назадъ. Если бы кто нибудь вздумалъ теперь позвать ее: Аленушка, она не откликнулась бы на это имя: теперь ее звали уже не такъ. Лидія Павловна нашла, что имя Аленушка слишкомъ «мужицкое», что его даже какъ то неприлично произносить въ ея богатомъ домѣ; Лидочка вспомнила, что у ихъ знакомой, баронессы Корнъ, была внучка Елена, которую всѣ называли Нелли. Это было уже совсѣмъ не по мужицки, даже очень мило, и потому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Аленушку немедленно перекрестили въ Нелли. Дѣвочка не пожалѣла о своемъ старомъ имени, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ новымъ у нея явилось нѣсколько хорошенькихъ платьицевъ, шляпочка и пальто, правда старенькое, служившее въ прошедшемъ году Лидочкѣ, но для нея достаточно красивое. Первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, Аленушка или Нелли, какъ мы лучше, по примѣру прочихъ, станемъ звать ее, была точно въ какомъ то чаду. Ей пришлось сразу увидѣть такое множество вещей, о которыхъ она до тѣхъ поръ не имѣла ни малѣйшаго понятія, что она совсѣмъ растерялась и сробѣла. Къ новой жизни, совершенно отличной отъ той какую она вела до тѣхъ поръ, ей было также не легко привыкать. Въ деревнѣ она вставала вмѣстѣ съ солнцемъ, здѣсь Лидочка никогда не поднималась раньше 10-го часа, и ей приказывали тихо лежать въ постели, чтобы не разбудить барышню. Тамъ она всегда сама одѣвалась очень скоро и небрежно, вовсе не думая о томъ, не криво ли застегнута ея рубашка и хорошо ли сидитъ ея сарафанъ; здѣсь ей помогала одѣваться горничная Лидочки и за всякій малѣйшій безпорядокъ въ туалетѣ ей дѣлала строгіе выговоры гувернантка; тамъ она ѣла два раза въ день, деревянной ложкой изъ деревянной чашки съ бабкой и дядей, а въ промежуткахъ довольствовалась кускомъ чернаго хлѣба; здѣсь приходилось 5 разъ

въ день садиться за ѣду и кушать или серебренной ложкой, или вилкой, тихонько, осторожно, чтобы ничего не пролить и не испачкать, иначе приходилось выслушивать рѣзкія замѣчанія отъ Лидіи Павловны; тамъ дядя иногда бранилъ ее и даже случалось покалачивалъ немного, бабушка ворчала на нее, но за то иногда нѣжно ласкала и голубила «сиротиночку», здѣсь ее никто не билъ, даже бранными словами не называлъ, но за то никто и не ласкалъ, исключая развѣ Лидочки, и то когда ей хотѣлось чего нибудь выпросить; тамъ бабушка только изрѣдка присаживала ее за работу, а остальное время позволяла ей свободно бѣгать и играть на улицѣ, здѣсь за ней постоянно бдительно присматривала гувернантка, ежеминутно останавливала ее то за слишкомъ громкій голосъ, то за неловкое движеніе, то за какое нибудь «мужицкое» выраженіе; въ деревнѣ всѣ жители относились къ ней ласково; охотно приглашали ее къ себѣ, дарили ей гостинцевъ, называли ее «красавка», «Божье дитя»; дѣвочка чувствовала себя хорошо и непринужденно и охотно отвѣчала на ихъ ласки; въ домѣ Вязиной было не такъ: Лидія Павловна говорила съ ней или строго-внушительно, или насмѣшливо, какъ съ дурочкой; гувернатка смотрѣла на нее, какъ на игрушку, привезенную для Лидочки изъ деревни, на игрушку которую надо какъ можно скорѣе передѣлать изъ «мужицкой» въ петербургскую, приличную, и потому заставляла ее исполнять всѣ капризы Лидочки и въ тоже время неутомимо старалась выучить ее и хорошимъ манерамъ. Прислуга въ домѣ съ перваго же дня возненавидѣла Нелли. Можетъ быть она боялась, что съ появленіемъ этой новой «барышни», у нея прибавится работы, можетъ быть ей казалось оскорбительнымъ прислуживать простой деревенской дѣвочкѣ, но она положительно не взлюбила Нелли и на каждомъ шагу показывала ей это. Но за то новая жизнь дала Нелли и много новыхъ радостей; она жила въ тепломъ, красивомъ домѣ, спала на мяконькой, чистенькой постелькѣ, ѣла такія вкусныя кушанья о которыхъ и не мечтали ея деревенскія подруги, а главное, она могла играть со всѣми игрушками Лидочки, а игрушекъ этихъ было такъ много и все такія великолѣпныя, красивыя! Конечно, дѣвочку по старше хорошенькая кукла не могла бы утѣшить за недостатокъ любви и сочувствія, но Нелли только что минуло 9 лѣтъ, мудрено ли, если она, укачивая лайковаго ребенка или за-

прягая лошадокъ въ картонную карету, забывала всѣ свои непріятности и вполнѣ предавалась игрѣ.

Вотъ и теперь, гувернатка только что дала ей строгій нагоняй за то, что она не можетъ выучиться дѣлать хорошенькихъ реверансовъ; она даже поплакала немножко, но потомъ сѣла къ окну, да такъ засмотрѣлась на всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ, что позабыла и о гувернаткахъ, и о реверансахъ.

«Нелли, Нелли», раздался серебристый голосокъ Лидочки, вбѣжавшей въ комнату. «Знаешь, съ сегодняшняго дня ты начнешь вмѣстѣ со мной учиться по французски у mademoiselle. Я сказала мамѣ, какъ ты вчера назвала куклу «ла попе», и мы такъ хохотали! Я безъ тебя не буду учиться, я такъ и мамѣ сказала, идемъ».

«Ну, Лидочка, вы опять будете смѣятся надо мной, какъ вчера», недовольнымъ голосомъ проговорила Нелли.

«Ничего, Нелли, душечка, пойдемъ! Ты должна идти, мама велѣла, а то я скажу mademoiselle»!

Она взяла за руку Нелли и потащила ее въ классную, гдѣ уже спдѣла гувернантка, готовясь давать урокъ французскаго языка своей воспитанницѣ.

«Mademoiselle», заговорила Лидочка по французски, «я вамъ привела новую ученицу; если бы вы знали, какъ она коверкаетъ французскія слова, мнѣ такъ будетъ смѣшно слушать, пожалуста поучите ее».

Гувернанткѣ вѣроятно также показалось интереснымъ послушать, какъ коверкаютъ французскія слова, она улыбнулась и начала урокъ Нелли. Деревенскій язычекъ бѣдной дѣвочки, не вполнѣ правильно произносившій даже многія русскія слова, совершенно отказывался служить ей, когда дѣло доходило до разныхъ французскихъ en, on, oin. Mademoiselle сначала улыбалась ея «непонятливости», потомъ начала сердиться и топать ногой, а Лидочка положительно помирала со смѣху, при всякой ошибкѣ своей подруги. Нелли сначала прилагала всѣ усилія, чтобы выговаривать, какъ ей приказывали, и нѣсколько разъ просила Лидочку перестать смѣяться, но наконецъ не выдержала и разразилась громкими рыданіями. Въ эту минуту въ комнату вошла Лидія Павловна. Она спросила о причинѣ слезъ Нелли, и ей разсказали въ чемъ дѣло. Лидочка чувствовала въ душѣ, что по-

ступила не совсѣмъ хорошо, и смущенно посмотрѣла на мать, ожидая отъ нея выговора. Но Лидія Павловна обратилась съ своимъ выговоромъ не къ ней, а къ Нелли:

«Какая ты дурная, неблагодарная дѣвочка», сказала она, «тебя учатъ, хотятъ твоей же пользы, Лидочка такъ добра, что обращается съ тобой какъ съ равной, позволяетъ тебѣ брать вмѣстѣ съ нею уроки, а ты еще смѣешь обижаться, если она когда нибудь пошутитъ надъ тобой! Сейчасъ же вытри слезы, чтобъ я никогда ничего подобнаго не видѣла! Слышишь ли? И иди проси прощенья у mademoiselle за то, что ты раскапризилась и у Лидочки за то, что ты смѣла обидѣться на ея шутку».

Нелли, хотя ребенокъ, но вполнѣ сознавала, что съ ней поступаютъ несправедливо. Рыданія душили ее, но она не смѣла ослушаться строгаго приказанія Лидіи Павловны и пролепетала прерывающимся голосомъ, подходя къ гувернанткѣ: «Простите меня». Она собиралась обратиться съ тѣми же словами и къ Лидочкѣ, хотя это было для нея еще тяжелѣе, но Лидочка, по природѣ дѣвочка добрая, только чрезъ чуръ избалованная матерью, сама подбѣжала къ ней и крѣпко обняла ее со словами:

«Ну, помиримся, не плачь»!

Нелли нехотя поцѣловала свою подругу, но только страхъ передъ Лидіей Павловной заставлялъ ее удерживать слезы, на сердцѣ же у нея долго оставалось горькое чувство незаслуженнаго оскорбленія.

Сцены, подобныя описанной нами, стали повторяться чуть ли не каждый день. Нелли заставляли учиться по французски и по нѣмецки, чтобы забавлять Лидочку. Если дѣвочка отказывалась брать уроки, ее называли лѣнивой, упрямой и жаловались на нее Лидіи Павловнѣ, которой она не смѣла ослушаться. Если она плакала и не хотѣла произносить трудныхъ словъ, гувернантка наказывала ее за лѣность и капризы; если она сердилась на Лидочку или просила ее не смѣяться, ее упрекали въ неблагодарности, въ глупой обидчивости. Лидочкѣ всѣ безпрестанно твердили, что Нелли должна ей угождать, что она живетъ изъ милости, такъ что въ концѣ концовъ она стала смотрѣть на свою деревенскую подругу, какъ на игрушку, которая не можетъ не подчиняться ей во всемъ.

Кромѣ уроковъ французскаго и нѣмецкаго языка, Лидочка

брала еще уроки русскаго и ариѳметики у учительницы, приходившей къ ней 3 раза въ недѣлю. Нелли приказали участвовать и въ этихъ урокахъ; но тутъ классъ проходилъ не такъ весело для Лидочки и не такъ мучительно для нея. Ольга Сергѣевна, учительница русскаго языка, была дама серьозная; она не позволяла смѣяться у себя въ классѣ, кромѣ того она смотрѣла на Нелли, какъ на дѣвочку равную Лидочкѣ и занималась съ ней очень старательно.

Черезъ полгода Нелли стала ужъ очень порядочно читать и писать по русски, а считала положительно лучше и скорѣе Лидочки.

Разъ, какъ-то послѣ урока, учительница сказала этой послѣдней.

«Не худо бы вамъ, Лидія, взять примѣръ съ вашей маленькой подруги! Посмотрите, какъ она внимательна и прилежна! За то она въ полгода выучилась столько же, сколько вы въ полтора года»!

При этихъ словахъ, Лидочка сильно покраснѣла, глаза ея наполнились слезами, и не простившись съ учительницей, она прямо пошла въ комнату матери:

«Мама», вскричала она, съ рыданьемъ бросаясь на шею матери», возьми мнѣ другую учительницу, я не хочу учиться у Ольги Сергѣевны! Она нехорошая»!

«Что такое, что случилось»? спрашивала встревоженная маменька, лаская свою заплаканную дочку; «ты прежде такъ любила Ольгу Сергѣевну, чѣмъ же она такъ обидѣла мою дѣвочку»?

«Да она теперь все учитъ больше Нелли а не меня и говоритъ, что Нелли, лучше меня, что она больше меня знаетъ, вѣдь это не правда, мама»?

«Конечно, не правда, моя радость! Я даже удивляюсь, какъ могла такая умная дама, какъ Ольга Сергѣевна, сказать подобную вещь! Нелли, эта деревенщина, которая годъ тому назадъ не умѣла порядочно вытереть себѣ носа, лучше моей милой дочки. Не плачь, ангелъ мой! стоитъ ли эта дѣвчонка твоихъ слезъ! Она ужъ слишкомъ начинаетъ забываться. Ты ее избаловала. Нечего ей больше учиться у Ольги Сергѣевны. Читать, писать умѣетъ, съ нея и довольно. Вытри глазки, надѣнь свое новенькое платьице и поѣдемъ кататься».

Лидочка побѣжала одѣваться и совершенно забыла о своемъ

минутномъ горѣ; Нелли же приказано было въ слѣдующій разъ не смѣть являться въ классъ Ольги Сергѣевны.

Это приказаніе очень огорчило дѣвочку. Она полюбила учительницу, которая, хотя и не ласкала ее, но обращалась съ ней хорошо, привѣтливо, не унижала и не оскорбляла ее. Невидѣть добраго, хотя серьознаго лица Ольги Сергѣевны, не слышать ея тихаго, кроткаго голоса было для Нелли большимъ лишеніемъ. Кромѣ того она отъ души полюбила какъ чтеніе, такъ и ариѳметику; она охотно просиживала бы за книгой или за ариѳметическими задачами цѣлые часы, и вдругъ ей говорятъ, что это не ея дѣло, что ей не нужно учиться! Первый урокъ, который Ольга Сергѣевна давала безъ нея, дѣвочка провела въ горькихъ слезахъ, и по окончаніи его, бросилась къ Лидочкѣ.

«Лида, отчего мнѣ не позволяютъ учиться у Ольги Сергѣевны»? спрашивала она. «Попросите маменьку, чтобы она мнѣ позволила! Мнѣ такъ хочется»!

«Ахъ Нелли, какая ты право странная», отвѣчала Лидочка, «мама говоритъ, что ты умѣешь читать и писать, и что больше тебѣ ничего не нужно».

«Да вѣдь я не умѣю, Лидочка, вы знаете, что я пишу очень дурно»!

«Ну, ужъ это не мое дѣло, мама знаетъ, что говоритъ! Да что это какая ты капризная Нелли, у mademoiselle учиться не хочешь, а то вдругъ плачешь, что тебя не учатъ. Это ужасно дурно съ твоей стороны, перестань же, вытри глаза, плакса, пойдемъ играть».

И она тащила Нелли къ игрушкамъ, въ то время, какъ бѣдняжкѣ было вовсе не до игръ.

Отношенія между обѣими дѣвочками были теперь совсѣмъ не тѣ, что во время ихъ перваго знакомства въ деревнѣ.

Тамъ Лидочка боялась обижать свою маленькую подругу, боялась, что та перестанетъ ходить къ ней и ей опять придется скучать, здѣсь же она понимала, что Нелли уйти некуда, что Нелли должна все переносить терпѣливо и не смѣетъ оставить ее. Не злая отъ природы, она вслѣдствіе чрезмѣрнаго баловства своей матери, сдѣлалась своевольна, властолюбива и капризна и считала совершенно лишнимъ скрывать эти недостатки передъ деревенской дѣвочкой, живущей изъ милости въ ихъ домѣ.

Никогда не приходило ей въ голову, какъ тяжело должны были ложиться ея обиды на сердце бѣдной сиротки, которую некому было ни приласкать, ни утѣшить; никогда не сознавала она, какъ несправедливо и жестоко поступаетъ съ беззащитнымъ ребенкомъ, не сдѣлавшимъ ей никакого зла и вполнѣ зависѣвшимъ отъ ея прихотей.

Во время игръ вдвоемъ съ Нелли, Лидочка впрочемъ рѣдко выказывала свой дурной нравъ. Она была дѣвочка веселая, живая, ей хотѣлось, чтобы и Нелли рѣзвилась и веселилась за одно съ нею, и она скоро замѣтила, что приказаніями нельзя заставить веселиться, что тѣ игры, въ которыхъ Нелли участвовала по принужденію, шли вяло и не интересно. Поэтому она, сидя вдвоемъ съ своей подругой за игрушками, оставляла повелительный тонъ, часто называла Нелли самыми дружескими именами и даже иногда уступала ей въ чемъ нибудь. Но когда пріѣзжали гости, когда дѣтская наполнялась разными маленькими разряженными барышнями и ихъ гувернантками, тогда Лидочка находила лишнимъ щадить свою деревенскую подругу. Въ первое время ей очень нравилось, разыгрывать роль покровительницы Нелли. Она всѣмъ разсказывала, что это деревенская дѣвочка, сиротка, которая у нихъ живетъ, которой она даритъ свои платьица и позволяетъ играть со своими игрушками, которая ничего не умѣетъ, не умѣетъ даже зашпиливать булавокъ и разрѣзать за обѣдомъ кушанья, но которую она всему выучитъ. Дѣвочки—гостьи разсматривали Нелли, точно какого нибудь не виданнаго звѣрка, подсмѣивались надъ ней и въ играхъ всегда отводили ей худшія роли. Приэтомъ Лидочка старалась показать, что она одна имѣетъ право распоряжаться Нелли, и что та во всемъ обязана ее слушаться. Если кто-нибудь изъ гостей говорилъ Нелли: «Принеси мнѣ воды»! или: «поправь мнѣ ленточку»! Лидочка вступалась за нее, говорила, что она не горничная, что она не должна исполнять ничьихъ приказаній, но тутъ же сама командовала ею и кричала на нее такъ, какъ порядочная дѣвочка не позволитъ себѣ кричать и на горничную. Первое время Нелли была очень робка и застѣнчива при постороннихъ и изъ застѣнчивости безпрекословно исполняла все, чего отъ нея требовали. Но черезъ годъ или полтора дикость ея исчезла, она увидѣла, что всѣ эти разряженныя барышни ни чуть не

лучше ея, ей захотѣлось играть съ ними, какъ съ равными себѣ, она не соглашалась слушаться при нихъ Лидочку и досадовала на повелительный ея тонъ. Тогда Лидочка въ свою очередь начинала сердиться и упрекать Нелли. Разъ какъ то гувернантка услышала эту ссору при гостяхъ. Виноватою осталась, по обыкновенію, Нелли: «Ты не умѣешь вести себя въ обществѣ благородныхъ дѣтей, строгимъ голосомъ сказала ей француженка, поди прочь отсюда»!

Она взяла дѣвочку за руку, увела ее въ темную комнату и не выпускала до тѣхъ поръ, пока не разъѣхались всѣ гости.

Послѣ этого много разъ приходилось Нелли такимъ образомъ просиживать одной въ темнотѣ, пока другія дѣти играли въ дѣтской: ее оставляли съ гостями только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она помнила, что она сирота, бѣдная мужичка, которая должна всѣмъ угождать, а это условіе было очень не легко исполнять.

Если маленькія гостьи мучили Нелли, то нельзя сказать, чтобы и большіе гости, пріѣзжавшіе въ домъ, доставляли ей удовольствіе. Ее обыкновенно выводили въ гостинную или вмѣстѣ съ Лидочкой, или одну, и тамъ всѣ осматривали ее, точно какого-нибудь звѣрка заморскаго. Лидія Павловна подзывала ее къ себѣ и говорила, указывая на нее той или другой дамѣ: «Посмотрите ка на нашу Нелли! Замѣтно ли, что еще недавно она бѣгала босикомъ и не умѣла надѣть платья. Ну стой же прямо, глупенькая, не опускай головы,—видите, барышня, какъ слѣдуетъ! А все моя Лида! Сдѣлала изъ нея не горничную, а подругу себѣ. Просто ангельское сердце у моей малютки»!

Начинались длинные разговоры о хорошихъ качествахъ Лидочки, Нелли должна была стоять на мѣстѣ, держаться прямо не опускать головы, не шевелить руками, иначе Лидія Павловна дѣлала ей при всѣхъ замѣчанія и всѣ смѣялись надъ ней. Иногда пріѣзжія барыни заговаривали съ ней, ласкали ее, но это болѣе смущало, чѣмъ радовало ее. Она своимъ дѣтскимъ сердечкомъ чувствовала въ этихъ ласкахъ какую то презрительную снисходительность, во всѣхъ вопросахъ, предлагаемыхъ ей, не участіе, а скорѣе насмѣшку, желаніе потѣшиться надъ ней. Дѣвочкѣ казалось, что она не говорила ничего смѣшнаго, когда на вопросъ кто лучше: ее дядя въ деревнѣ или какой нибудь старый, не-

красивый гость, она отвѣчала: «дядя», а на вопросъ, что веселѣе доить коровъ или учиться по французски, говорила: «доить коровъ». А между тѣмъ надъ этими и тому подобными отвѣтами, всѣ хохотали, называя ея маленькой дурочкой, простушкой и какими то французскими именами, которыхъ она не понимала, но которыя казались ей тѣмъ обиднѣе. Нелли попробовала совсѣмъ не говорить съ гостями и соглашалась лучше сидѣть въ темной комнатѣ, чѣмъ выходить въ гостинную, но Лидія Павловна объявила ей, что она не смѣетъ высказывать никакихъ желаній, что велятъ ей идти на кухню, она должна идти, велятъ сидѣть въ гостинной, она должна сидѣть, а что если она будетъ смотрѣть букой, не отвѣчать на вопросы и не постарается выучиться у Лидочки хорошимъ манерамъ, то она при всѣхъ гостяхъ накажетъ ее. Нелли не знала въ чемъ будетъ состоять это наказаніе, но она такъ боялась Лидіи Павловны, что одного ея строгаго взгляда довольно было, чтобы заставить ее слушаться. Къ счастью для дѣвочки, гостямъ наконецъ надоѣло заниматься ею. Года черезъ полтора, черезъ два, развѣ какая нибудь новая знакомая, спрашивала у Лидіи Павловны, указывая на нее:

«Это ваша дочь»? и получала въ отвѣтъ разсказъ Неллиной исторіи, всѣ же остальные привыкли видѣть Нелли въ гостинной и не обращали больше на нее вниманія.

Время шло. Съ тѣхъ поръ, какъ Нелли жила въ домѣ Вязиныхъ, пролетѣло 3 года. Эти три года не остались безъ слѣда ни для одной изъ дѣвочекъ. Лидочка сильно выросла за это время, такъ что казалась старше своихъ лѣтъ, но личико ея потеряло ту дѣтскую миловидность, которая дѣлала его хорошенькимъ, не смотря на неправильныя черты. Непомѣрное баловство матери и угодливость всѣхъ домашнихъ, превратили ее изъ милаго, веселаго ребенка въ капризную, скучающую тщеславную дѣвочку, и качества эти, выражаясь на ея лицѣ, дѣлали ее совсѣмъ некрасивой. Нелли также измѣнилась. Она мало выросла, такъ что была цѣлой головой ниже Лидочки, но въ ней уже рѣдко проявлялась прежняя живость и бойкость. Она, по большей части, держалась тихонько въ сторонѣ, стараясь никому не попадаться на глаза. Изрѣдка только на нее находили припадки ея прежней деревенской веселости, тогда блѣдныя щечки ея загорались опять свѣжимъ румянцемъ, громкій смѣхъ ея

оглашалъ всѣ комнаты и она напоминала прежнюю Аленушку. Вообще же теперь, она совсѣмъ не походила на деревенскую дѣвочку: желаніе Лидіи Павловны исполнилось и она научилась держать себя въ гостинной, ничуть не хуже самой Лидочки и ея нарядныхъ гостей. Въ классной комнатѣ, она также уже перестала служить посмѣшищемъ: она премило говорила по французски и знала порядочно читать, писать и переводить по нѣмецки и по англійски. Лидочка ужъ начала находить, что съ ней совсѣмъ не весело учиться, но позволяла ей продолжать брать уроки, такъ какъ учительницы языковъ, занимались съ нею между прочимъ и не обращали на нее большаго вниманія.

Лидочкѣ должно было минуть 12 лѣтъ. Въ этотъ день Лидія Павловна, намѣревалась дать большой дѣтскій балъ. Нелли сказано было, что она можетъ присутствовать на немъ, наравнѣ съ прочими, и позволено даже учиться танцамъ у учителя Лидочки. Обѣ дѣвочки съ нетерпѣніемъ и восторгомъ ожидали этого дня. Лидочка много разъ бывала на балахъ у своихъ знакомыхъ, но въ ихъ домѣ ни разу еще не было дѣтскаго бала, и она за цѣлый мѣсяцъ не думала ни о чемъ, кромѣ него. Нелли не имѣла о балахъ никакого понятія, но мысль, что она будетъ веселиться наравнѣ съ прочими дѣтьми, что ей даже сошьютъ новое платьице,—до сихъ поръ она постоянно ходила въ обноскахъ Лидочки,—заставляла радостно биться ея маленькое сердечко.

Наконецъ насталъ давно желанный день. Лидочку и Нелли одѣли въ хорошенькія бальныя платьица, и хотя на платьѣ Нелли не было столько бантиковъ и оборочекъ, какъ на платьѣ Лидочки, хотя башмачки ея были не розовенькіе а простые черные, хотя весь костюмъ ея былъ далеко не такъ наряденъ, какъ костюмъ ея подруги, но она все таки считала себя вполнѣ счастливою. Гостей собралось множество: болѣе 30 мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ 6 до 15 лѣтняго возраста, весело болтали и оглядывали другъ друга, ожидая, пока заиграетъ музыка. Нелли въ первый разъ приходилось танцовать въ такомъ большинствѣ, въ богато освѣщенной залѣ: до сихъ поръ, она только выдѣлывала па съ танцмейстеромъ Лидочки. Сначала она робѣла и не рѣшалась пускаться въ танцы, потомъ попробовала пройтись съ однимъ маленькимъ мальчикомъ, дѣло оказалось вовсе не трудно,

мало по малу она оживилась, и черезъ часъ, порхала по залѣ, веселая и довольная, забывая всякую робость, забывая все, кромѣ удовольствія. Щеки ея разгорѣлись отъ усиленнаго движенія, глаза блистали счастьемъ, губки не переставали улыбаться, она опять напоминала ту веселую, беззаботную Аленушку, которая такъ смѣло раскачивалась на тоненькой дощечкѣ, надъ рѣчкой. И опять нельзя было не залюбоваться ею, не назвать ее прелестнымъ ребенкомъ.

Близкіе знакомые Вязиной не узнавали въ ней ту блѣдную, печальную, робкую дѣвочку, которую они привыкли видѣть въ самомъ темномъ уголку гостинной, а мало знакомые гости спрашивали другъ друга: «Какъ фамилья этой миленькой дѣвочки»? и многіе принимали ее за дочь Вязиной.

Въ половинѣ вечера къ Лидіи Павловнѣ подошла одна старая графиня, рѣдко бывавшая у нея, но знакомствомъ которой, она очень дорожила:

«Какая вы счастливая мать», сказала она ей, «я весь вечеръ глазъ не могу отвести отъ вашей очаровательной дочки! Какъ она мила! какъ отъ души веселится! Въ ней нѣтъ нисколько тѣхъ ужимокъ, которыя такъ противны въ дѣтяхъ. Она не старается корчить изъ себя взрослую дѣвицу, какъ напримѣръ, та блѣдная блондиночка, что сидитъ на диванѣ въ углу. Посмотрите, какая между ними противоположность! Одна нисколько не заботится понравиться другимъ и всѣ ею любуются, другая всѣми силами старается обратить на себя вниманіе и никто не нее не глядитъ»!

Лидія Павловна посмотрѣла на тѣхъ двухъ дѣвочекъ, которыхъ указывала ей графиня: увы! первая изъ нихъ была Нелли, вторая ея собственная дочь, ея Лидочка. Лидія Павловна не разъяснила графинѣ ея ошибки, но продолжала любезно разговаривать съ ней, въ душѣ она была страшно оскорблена. Какъ? кто нибудь осмѣливается сравнивать Нелли, эту деревенскую дѣвчонку, живущую изъ милости въ ея домѣ, съ ея собственной дочерью, съ ея ненаглядной Лидочкой? сравнивать, да еще находить, что ея сокровище, ея безцѣнная дѣвочка, во всѣхъ отношеніяхъ хуже мужички! Правда, Лидочка выглядитъ въ эту минуту, очень непривлекательной. Она замѣтила, что въ залѣ есть дѣвочки и красивѣе, и нарядѣе ея, самолюбіе ея оскорблено, досада выражается на ея лицѣ и дѣлаетъ его некрасивымъ. Кромѣ

того, ей съ нѣкоторыхъ поръ, начало казаться, что ужъ стыдно быть ребенкомъ, что пора стать взрослой дѣвицей, и вотъ она начала перенимать всѣ манеры своихъ знакомыхъ барышень, и эта неестественность движеній дѣлала ее иногда просто смѣшною. Окончивъ разговоръ съ графиней, Лидія Павловна вышла въ столовую, гдѣ въ то время никого не было и велѣла позвать къ себѣ Нелли. Не чуя бѣды, радостная и оживленная вбѣжала въ комнату дѣвочка.

«Ты забываешься, дрянная дѣвчонка»! строгимъ голосомъ, сказала ей Лидія Павловна. «Пошла вонъ и не смѣй больше показываться въ залу»?

Нелли стояла, какъ ошеломленная.

«Боже мой! чтожъ я такое сдѣлала»? проговорила она наконецъ дрожащимъ голосомъ.

«Еще ты смѣешь разсуждать! Отправляйся на кухню, тамъ твое настоящее мѣсто! Не показывайся мнѣ на глаза сегодняшній вечеръ, слышишь? Отведите ее въ кухню»! послѣднія слова относились къ горничной, проходившей мимо.

Горничная со злобнымъ смѣхомъ исполнила приказаніе своей барыни, и черезъ нѣсколько секундъ Нелли очутилась на простомъ деревянномъ табуретѣ, за кухоннымъ столомъ.

Бѣдная дѣвочка не понимала, что съ ней дѣлается. Она чувствовала только, что ее оскорбили, обидѣли, что злые люди лишили ее удовольствія, она чувствовала себя несчастной, страшно несчастной и съ глухими рыданіями припала головкой къ столу.

Кухарка, узнавъ отъ горничной, что Нелли прислана на кухню въ наказаніе, сначала насмѣшливо смотрѣла на нее, но потомъ, какъ женщина добрая, сжалилась надъ горемъ ребенка.

Она подошла къ ней и начала утѣшать ее, простыми, но искренно ласковыми словами.

«Полно тебѣ убиваться, голубушка», говорила она ей, «эка бѣда, что одинъ вечерокъ не попляшешь, а просидишь здѣсь со мной, вѣдь я не злая, успокойся, не плачь такъ, я тебѣ дамъ пирожнаго, которое готовлю къ ужину. Полно же, голубушка! перестань! да за что это на тебя не милость? Что ты тамъ такое сдѣлала»?

«Да ничего, Татьянушка; право ничего», рыдая, проговорила Нелли, «я танцовала, мнѣ было такъ весело, вдругъ Лидія Пав-

ловна прислала за мной въ столовую, да и выгнала меня сюда! Я право не знаю за что»!

«Эка напасть какая! Ну видно, такъ ей что нибудь показалось! Что дѣлать, Нелличка, голубчикъ! Ты въ ихъ домѣ живешь изъ милости, ты все должна сносить терпѣливо, всему покоряться»!

Не въ первый разъ слышала Нелли эти слова, но никогда не производили они на нее такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ теперь.

«Да я не хочу, чтобы меня мучили», вскричала она, «а они меня мучатъ, они не добрые»!

«Полно, ты голубчикъ, какъ можно такъ говорить, тебя здѣсь кормятъ, поятъ, одѣваютъ какъ барышню, а ты вдругъ, мучатъ»!

«Такъ за чѣмъ же меня бранятъ несправедливо, за что меня теперь наказали, когда я ничего, право ничего не сдѣлала»!

Ну чтожъ, иногда и побранятъ, и накажутъ, не бѣда, на то ихъ барская воля! Вонъ у прежнихъ господъ, гдѣ я была, такъ жила одна барышня не тебѣ чета, ужъ большая, такъ иногда барыня такъ изобидитъ ее, что она придетъ ко мнѣ въ кухню, да слезами такъ и заливается.

«Зачѣмъ же она жила тамъ»?

«Зачѣмъ? а куда же ей идти то было? Работать она не умѣла, да и не въ привычку ей было трудами хлѣбъ добывать, вотъ и жила такъ изъ за милости, да и сносила всякія обиды».

Нелли задумалась: «Я не хочу жить изъ милости», проговорила она.

«Ну своимъ трудомъ будешь жить, тебя такъ не обидятъ», замѣтила кухарка. «Вотъ я теперь, простая женщина, необразованная, а обиды не стану выносить. Потому, я знаю, я господамъ нужна. Я ими дорожу, и они мною должны дорожить, коли я свое дѣло знаю. Я себя безъ вины бранить не позволю, уйду, они и останутся безъ обѣда. А ты что? тебя всякій можетъ обидѣть, потому, куда ты дѣнешься? извѣстно, все должна стерпѣть. Конечно, добрый человѣкъ грѣха побоится, не сдѣлаетъ зла ребенку, ну, да вѣдь добрыхъ людей на свѣтѣ не много»!

Нелли не плакала больше. Слова кухарки запали ей въ сердцѣ и возбудили въ головѣ ея цѣлый рядъ новыхъ, небывалыхъ мы-

слей. До сихъ поръ она жила, какъ всѣ дѣти, нисколько не думая о своей жизни, нисколько не стараясь понять причину своихъ непріятностей и найти средства избавиться отъ нихъ. Она просто чувствовала, что ей живется не весело, но всѣ невзгоды, случавшіяся съ ней, она принимала какъ случайныя несчастія. Ей какъ то всегда казалось, что ее обижаютъ оттого, что она маленькая, что выростетъ она большая, и ей будетъ хорошо. И вотъ вдругъ говорятъ, что есть и большіе, которые терпятъ такъ же какъ она, что она не будетъ счастливѣе и когда выростетъ. Сердце дѣвочки сжалось отъ горя, но въ то же время въ ней явилось твердое желаніе перемѣнить свою судьбу. Она не хочетъ больше жить изъ милости, она уйдетъ... но куда? Въ деревню, къ старой бабушкѣ, къ ворчливому, но доброму дядѣ, она поѣдетъ къ нимъ, но у нихъ также она не будетъ жить изъ милости. Татьяна говоритъ, что нужно работать, что тогда не будутъ обижать за даромъ, и она будетъ работать тамъ, въ деревнѣ, тамъ хорошо, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь.

Въ умѣ Нелли промелькнули картины давно прошедшей деревенской жизни; все что было тамъ тяжелаго и непріятнаго исчезло изъ ея памяти, представлялось только все свѣтлое, хорошее. Она совершенно успокоилась, даже развеселилась; съ аппетитомъ съѣла вкусный ужинъ, которымъ угостила ее добрая кухарка и даже крѣпко заснула на Татьяниной постелѣ.

На другое утро, только что Лидія Павловна встала, Нелли вошла къ ней въ комнату. Вязина чувствовала себя нѣсколько виноватой передъ дѣвочкой, которую напрасно обидѣла наканунѣ, и потому приняла ее ласковѣе обыкновеннаго.

«Что тебѣ нужно, душенька? спросила она у нея, снисходительнымъ голосомъ».

«Лидія Павловна»! начала Нелли дрожащимъ отъ волненія голосомъ, «вы вчера сказали, что мнѣ не мѣсто съ господами... это правда... я мужичка... такъ отпустите меня въ деревню къ бабушкѣ и дядѣ»!

«Глупая дѣвочка! это ты разобидѣлась что я мало дала тебѣ вчера поплясать? Полно, вотъ на тебѣ въ утѣшеніе этотъ хорошенькій красненькій галстучекъ, иди къ Лидочкѣ и не дуйся, это не хорошо»!

«Я не дуюсь, Лидія Павловна, право, но мнѣ такъ хочется вернуться въ деревню, пожалуста отпустите меня»!

«Да что съ тобой? ты это говоришь серьозно»?

«Ахъ да, совсѣмъ серьозно, пожалуста, пожалуста отпустите меня»!

«Дурочка! Что же ты станешь дѣлать въ деревнѣ»?

«Работать! помогать дядѣ и бабушкѣ, прошу васъ, умоляю васъ, отпустите меня»!

«Послушай, Нелли, мнѣ не хотѣлось бы огорчать тебя, но ты говоришь такъ серьозно, что я должна сказать тебѣ правду. Тебѣ не къ кому ѣхать въ деревню. Твоя бабушка и твой дядя оба умерли».

«Умерли? какъ умерли? когда»? едва проговорила Нелли. Она вся поблѣднѣла и принуждена была ухватиться за столъ, чтобы не упасть, такъ поразило ее это извѣстіе.

«Бабушка твоя умерла въ тотъ годъ, какъ ты переѣхала къ намъ, а дядя потонулъ нынѣче, въ началѣ зимы. Онъ переѣзжалъ черезъ какое то озеро, думалъ, что ледъ ужъ крѣпокъ, между тѣмъ ледъ подломился и онъ провалился вмѣстѣ съ лошадью и санями.

«Умерли, умерли»! повторяла Нелли какъ будто въ безпамятствѣ. «Отчего же мнѣ не сказали этого»? вдругъ вскричала она.

Потомъ она выбѣжала вонъ, и не желая попадаться на глаза никому изъ домашнихъ, запряталась въ темный чуланчикъ, и тамъ, на просторѣ, выплакала все свое тяжелое горе.

Нѣсколько дней бѣдная дѣвочка ходила точно потерянная. Смерть родныхъ сама по себѣ не огорчила бы ее особенно сильно, она не видала ихъ больше 3 лѣтъ, она совсѣмъ отвыкла отъ нихъ, да и по правдѣ сказать любила одну только бабушку, а не дядю. Ее мучило главнымъ образомъ то, что теперь ей некуда дѣваться, не къ кому уйти, что она должна жить у Вязиныхъ и, какъ говорила ей кухарка, все терпѣливо выносить отъ нихъ. Ей не хотѣлось больше терпѣть, а терпѣть приходилось дѣйствительно много. Лидочка, послѣ дня своего рожденія, совершенно измѣнилась въ отношеніи къ Нелли. Она и прежде не была къ ней особенно ласкова и добра, но по крайней мѣрѣ иногда, видя, что Нелли обижается ея насмѣшками или высокомѣріемъ, она старалась загладить обиду, ласкала свою маленькую подругу, дѣлала ей что — нибудь пріятное, и кромѣ того, оставаясь съ

ней наединѣ, почти всегда сохраняла дружескій, пріятельскій тонъ, обходилась съ ней какъ съ равной, а не какъ съ низшей. Теперь было не то. Лидочка замѣтила, что на балу Нелли была лучше ея, и самолюбивая дѣвочка не могла простить этого превосходства своей подругѣ. Она повторяла мысленно слова, которыя не разъ говорила ей мать: «я слишкомъ избаловала Нелли, она начала забываться» и рѣшила, что больше не дастъ Нелли «забываться». Она бросила всѣ игры, всѣ дружескіе разговоры съ Нелли и стала обращаться съ нею не какъ съ подругой, а какъ съ горничной. Она запрещала ей садиться обѣдать за однимъ столомъ съ собою, приказывала ей одѣвать и раздѣвать себя, заставляла ее исполнять множество мелкихъ порученій, отняла у нея всѣ свои игрушки и книги. Разъ даже она забылась до того, что ударила Нелли. Нелли все переносила молча. Даже гувернантка удивлялась ея терпѣнію и иногда кротко замѣчала своей воспитанницѣ, что она поступаетъ дурно, что грѣшно такъ обижать бѣдную сироту. Замѣчанія эти, по обыкновенію, принимались Лидочкой съ насмѣшкой и только больше раздражали ее противъ Нелли.

А Нелли между тѣмъ страдала невыносимо. При всякомъ новомъ оскорбленіи Лидочки, лице ея покрывалось смертною блѣдностью, брови ея мрачно сдвигались и видно было, какъ дорого давалось ей это наружное спокойствіе. Въ то же время голова ея усиленно работала. Она напрягала весь свой умъ, чтобы найти какое-нибудь средство перемѣнить свое положеніе. Мысль, что ей, пожалуй, всю жизнь придется прожить въ зависимости отъ Лидочки и ея матери, не давала ей покоя. Она создавала тысячу плановъ, чтобы выйти изъ своего настоящаго положенія, но всѣ они, при болѣе подробномъ обдумываньи оказывались неосуществимыми. Около нея не было ни одного человѣка, къ которому бы она могла обратиться за помощью, за совѣтомъ, не было никого, кто съ любовью выслушалъ бы ее, съ участіемъ подумалъ бы о ея судьбѣ. Бѣдная дѣвочка чувствовала свое одиночество и часто цѣлыя ночи проводила въ слезахъ, въ горькихъ, безутѣшныхъ слезахъ. Слова кухарки о томъ, что человѣкъ который живетъ своимъ трудомъ не терпитъ такихъ оскорбленій, какъ тотъ, кого держатъ въ домѣ изъ милости, крѣпко запали ей въ голову. Она рѣшила, что непремѣнно будетъ работать, будетъ жить своимъ трудомъ. Но гдѣ работать, какъ?

Она ничего не умѣетъ, да ее ничему и не учатъ, значитъ она и всю жизнь ничего не будетъ умѣть и ей придется, какъ той барышнѣ, про которую разсказывала Татьяна, всю жизнь плакать отъ обидъ другихъ? Нѣтъ, это ужасно, этого не должно быть! Простой обыкновенный случай помогъ бѣдной дѣвочкѣ разрѣшить мучившіе ее вопросы.

Разъ какъ-то портниха принесла Лидочкѣ новое платье и привела съ собой свою маленькую 10 лѣтнюю дочь. Пока Лидочка примѣряла обнову, Нелли разговорилась съ дѣвочкой и та призналась ей что очень любитъ гулять и играть, но, что мать рѣдко позволяетъ ей это, все засаживаетъ ее за работу. Малютка говорила это такимъ печальнымъ голосомъ, что Нелли стало жаль ее, и она спросила у портнихи отчего она такъ строга къ такой маленькой дѣвочкѣ.

«Нельзя, барышня», отвѣчала портниха, «теперь то ей и пріучаться работать. Ей, конечно, теперь хочется поиграть, а большая выростетъ будетъ меня благодарить, что сдѣлала ее человѣкомъ, выучила ее жить своимъ собственнымъ трудомъ, никому не въ тягость».

«А скоро можно научиться шить»? спросила Нелли.

«Да какъ вамъ сказать, барышня; у меня была одна ученица, смышленная дѣвочка, правда, побольше этой, такъ лѣтъ 13, такъ въ $1^1/_2$ года научилась шить прелесть какъ, не хуже меня самой, даже кроила вещи, которыя полегче».

Разговоръ со швеей навелъ Нелли на новый рядъ мыслей. Въ $1^1/_2$ года можно выучиться шить! Значитъ черезъ полтора года она можетъ сама себѣ заработывать деньги, она можетъ не жить у Вязиныхъ. Надо только придумать, какъ и у кого учиться! Много плановъ перебрала дѣвочка въ своей головѣ, и наконецъ рѣшилась обратиться къ Лидіи Павловнѣ. Она выбрала минуту, когда Вязина была въ особенно хорошемъ расположеніи духа и самымъ почтительнымъ голосомъ сказала ей, что очень хотѣла бы научиться шить, чтобы потомъ заработывать этимъ себѣ хлѣбъ. Лидія Павловна выслушала ее очень благосклонно. Замѣчая, что Нелли не служитъ ужъ больше развлеченіемъ для Лидочки, она очень хотѣла какъ нибудь сбыть ее съ рукъ, но не знала какъ взяться за дѣло и очень обрадовалась удобному случаю избавиться отъ воспитанницы, начинавшей тяготить ее.

«Ты придумала очень хорошую вещь», ласкова сказала она Нелли. «Конечно, ты дѣвочка бѣдная и должна заботиться о томъ, чтобы жить своими трудами. Если ты въ самомъ дѣлѣ хочешь выучиться шитью, я тебя отдамъ въ знакомый мнѣ магазинъ, откуда ты выйдешь отличной швеей, хочешь»?

«Да, очень, очень хочу, съ радостью вскричала Нелли. «А скоро можно это устроить»?

«Конечно; я сегодня же съѣзжу въ магазинъ, если ты хочешь».

«Благодарю васъ, Лидія Павловна. Я постараюсь хорошо учиться»!

(Продолженіе будетъ).

А. Анненская.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МУДРЕЦА

Біографическая характеристика Сократа по Платону, Анахаренсу и Ксенофонту*).

I.

Перенесемся мыслью за 2300 лѣтъ назадъ и посмотримъ, что̀ тогда дѣлалось въ Греціи.

*) Сократъ былъ славный греческій *философъ*, но мы не будемъ разсматривать его философское значеніе (эта чисто-научная задача принадлежитъ спеціальной наукѣ—„исторіи философіи“) *); наша цѣль ближе и проще.

Передъ нами добрый гражданинъ, благочестивый мужъ, мудрый воспитатель юношества и народный наставникъ,—та полная жизни и серьозно-нравственная личность мудреца, какимъ дошелъ до насъ Сократъ въ сохранившихся о немъ памятникахъ, въ созерцательно-спокойномъ и ясномъ разсказѣ его современниковъ, полномъ высокаго интереса и общедоступномъ по изложенію.

Личность Сократа для великаго греческаго народа служила когда то могучею воспитательною силою, какъ прототипъ и символъ добродѣтели и правды; его обаятельное вліяніе на юношество засвидѣтельствовано историками. Не можетъ быть, чтобъ этотъ привлекательный и высоко-честный характеръ не оказалъ и нынѣ здороваго и полезнаго вліянія на тѣ молодые умы, которые захотятъ съ нимъ познакомиться. Если справедливо, что самое высшее благо, какого только можетъ достигнуть человѣкъ въ своей короткой жизни, есть свободное, самостоятельное убѣжденіе, а самая высокая добродѣтель заключается въ неуклонной, готовой на всѣ жертвы, борьбѣ за эти убѣжденія, то едва ли другая какая личность древности можетъ сравняться съ Сократомъ въ задачѣ—пособить уму въ пріобрѣтеніи самостоятельныхъ убѣжденій и закалить его на борьбу за нихъ. Мы достигли своей цѣли, если нашъ очеркъ заставитъ задуматься нашихъ юныхъ читателей надъ тою простою истиной, которая составляла дѣло всей жизни Сократа, цѣль его дѣятельности и всю его мудрость: γνῶθι σεαυτόν—„познай самаго себя“.

*) Философами въ древности назывались люди, отличавшіеся особенною мудростію, философія же—любовь къ мудрости (отъ греч. φιλέω—любить и σοφία—мудрость). Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о томъ, что такое были *древніе философы*, приводимъ здѣсь разсказъ Діогена Лаэрція о происхожденіи этого имени, изобрѣтеніе котораго приписываютъ Пиѳагору.

«Нѣкогда Пиѳагоръ, путешествуя по Греціи, пришелъ въ греческій городъ Кліасъ и былъ ласково принятъ княземъ того города Клеаномъ. Князь, удивляясь рѣдкой мудрости Пиѳагора, спросилъ его, какою наукою онъ занимается. «Никакою», отвѣчалъ Пиѳагоръ,—«я *философъ*». Названіе это было такъ ново для князя, что онъ попросилъ его объясненія. «Жизнь человѣческая», отвѣтилъ Пиѳагоръ, «походитъ на торжище и Олимпійскія игры (на которыхъ состязались греки въ борьбѣ и искусствахъ); но въ ней, кромѣ торгующихъ и борцовъ, есть еще зрители. Одни изъ нихъ смотрятъ на дѣла людскія безсознательно и безучастно, не извлекая для себя назиданія; другіе же смотрятъ на событія человѣческой жизни сознательно и разумно, проникая во внутреннюю сторону событій. Эти послѣдніе люди—философы».

Если бы мы поднялись на воздухъ, хоть на воздухоплавательномъ шарѣ, надъ Средиземнымъ моремъ, то вотъ что́ мы бы увидѣли:

Лежитъ и растилается передъ нами прозрачное море, врѣзываясь разнообразными заливами, бухтами и цѣлыми морями въ окружающій материкъ; по берегамъ этого моря тамъ и сямъ уже движется жизнь, только не вездѣ одинаково.

Съ *юга*—вольная воля вѣтру гулять,—онъ взрываетъ песокъ ураганомъ и пѣнитъ волну на просторѣ. Молча, недвижно стоитъ старый Египетъ, защищенный тѣнью пирамидъ, отмѣчая на колоссальныхъ памятникахъ своихъ пережитые годы. На *востокъ*—шумнѣе. Тамъ работа идетъ, строятъ суда, шумятъ фабрики, караваны спѣшатъ изъ Индіи и мѣна идетъ трудомъ и богатствомъ земли. На *сѣверо-западъ*—людъ шумитъ, снуютъ у прибрѣжья торговыя суда и много колоній обзавелись уже роскошью. Но вотъ на *сѣверъ*—уютный уголокъ земли, небольшой полуостровъ, отвсюду охваченный водою, прорѣзанный заливами, посрединѣ перехваченный узкимъ перешейкомъ; плодотворна земля тутъ, роскошна растительность, прекрасна природа, и человѣкъ,—царь и властитель ея, не уступаетъ ей въ достоинствѣ. Онъ настроилъ храмовъ, воздвигъ чудныя зданія для себя и небожителей, выростилъ сады, насадилъ виноградники и весело живетъ, припѣваючи, наслаждаясь жизнію. Шумно и тревожно кипучая жизнь оживляетъ весь этотъ благословенный уголокъ земли.

Это древняя Грецiя. Сойдемъ ближе: она такъ любопытна: до Грековъ, ничего подобнаго не было видано на землѣ. Вотъ *Аѳины*, столица и храмъ греческой мудрости и свободы,—войдемъ въ городъ: здѣсь такъ хорошо!

Передъ городомъ, на высокомъ холмѣ, стоитъ колоссальная статуя покровительницы города—Аѳина-Паллада, и далеко сверкаетъ золотой наконечникъ высокаго копья, которое она держитъ въ рукахъ своихъ; надъ городомъ, на возвышеніи, поднимаются чудныя зданія, которымъ не было, нѣтъ и не будетъ подобныхъ,—это акрополисъ, гордость націи, предметъ удивленія позднѣйшихъ народовъ, даже въ развалинахъ. Здѣсь все прекрасно, соразмѣрно, стройно, величественно; нигдѣ излишества, вездѣ пропорція и изящество; все привлекаетъ, успокоиваетъ и

чаруетъ взоръ красотою, невольно заставляетъ остановиться своимъ вниманіемъ на этомъ удивительномъ дѣлѣ рукъ человѣка-художника, и не хочется глазъ отвести отъ этихъ чудныхъ созданій греческаго генія. Зритель, точно очарованный, стоитъ-глядитъ и наслаждается въ нѣмомъ изумленіи величіемъ и гармоніей этой обаятельной прелести, поражающей душу красоты.

Такова была художественная обстановка жизни греческаго народа. Это прекрасная природа подсказала ему свою тайну, открыла сокровища и богатства свои, щедрою рукою.

Миртъ, олива и священный дубъ съ дающимъ безсмертіе лавромъ осѣняютъ благословенный городъ, увѣнчивая его роскошныя зданія, сообщая мягкій и нѣжный оттѣнокъ и разнообразіе общему виду. Вдали синѣютъ Ита, Парнасъ, Геликонъ и другія вершины греческихъ горъ, прославленныя великими преданіями исторіи и поэзіей, жилища боговъ и героевъ народа.

Войдемъ въ городъ: какъ странно! Даже невѣрится, что мы смотримъ на все это за 2300 лѣтъ назадъ. Насъ поражаетъ эта шумная жизнь, свобода отношеній, разнообразіе занятій, кипучая дѣятельность. Куда ни глянешь—вездѣ толпа и движеніе. Дома просты, но изящны, публичныя зданія и храмы величественны и даже роскошны; множество статуй украшаютъ улицы, сады, портики и палестры. Всѣ общественныя зданія полны: въ гимназіяхъ и школахъ слышатся мудрыя рѣчи философовъ и политиковъ; въ зданіяхъ для игры и занятій искуствами происходятъ состязанія художниковъ; въ театрахъ идутъ остроумныя и свободныя комедіи и, поражающія душу величіемъ, трагедіи, гдѣ человѣкъ является въ страшной борьбѣ съ неумолимой судьбою.

Славно жили въ старину Греки. Этотъ народъ понималъ жизнь и цѣнилъ себя, всякій гражданинъ его считалъ себя свободнымъ и всякій дорожилъ своей свободой.

Весело жилъ свободный и щедро надѣленный природою Грекъ, наслаждаясь удовольствіями человѣка развитаго; онъ уважалъ науку, былъ знатокъ въ искуствѣ, любилъ философію. У нихъ много было для этого свободнаго времени.

Правда, что эта обезпеченность, имѣла плохое основаніе, которое было даже одною изъ главныхъ причинъ упадка этой великой націи,—именно, у Грековъ, всѣ работы лежали на пле-

чахъ невольниковъ, а граждане только истребляли плоды чужихъ трудовъ; но не должно забывать того, что Греки все же были язычники, жили больше 2,000 лѣтъ назадъ, слѣдовательно, они не могли еще возвыситься до понятія равенства *всѣхъ* людей,—они признавали свободу и равноправность только своихъ *гражданъ*, урожденныхъ Грековъ, а всѣхъ другихъ народовъ называли «варварами».

Но имъ очень большую честь дѣлаетъ уже то, что они, не въ примѣръ другимъ народамъ, были гуманнѣе, добрѣе и употребляли свои средства на благородные предметы и человѣческія потребности. У нихъ было множество гимназій, училищъ, театровъ, общественныхъ зданій для собраній и т. п. Они уважали умственный трудъ, любили учиться и слушать людей, знающихъ дѣло.

Таковъ былъ народъ и такова обстановка его, гдѣ жилъ Сократъ. Но гдѣ же самъ онъ?

Идемъ дальше. Большая площадь и на ней множество народа. Но отъ чего же это притихли говорливые Аѳиняне? Они кого то слушаютъ. Протѣснимся сквозь толпу.

Какой странный и невзрачный старикъ: плѣшивый, съ толстымъ брюхомъ, приплюснутымъ носомъ и выпученными глазами,—некрасивый старикъ.

Однакоже странно! Греки такіе чтители красоты и изящества, что не любятъ безобразныхъ; должно быть, старикъ этотъ говоритъ имъ очень хорошія вещи, если они его слушаютъ съ такимъ вниманіемъ.

Это—Сократъ.

Кто не знаетъ Сократа? если вотъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошло, а его еще вспоминаютъ, то въ то время въ Аѳинахъ не было не только взрослаго, не было дитяти, который бы не зналъ Сократа.

Да и какъ не знать его? Онъ вездѣ ходитъ и со всѣми говоритъ. И какъ говоритъ! заслушаешься. Съ ранняго утра до поздняго вечера Сократъ на ногахъ, то на площади или въ лавочкахъ торговцевъ, то въ гимназіяхъ или при храмахъ, и вездѣ окруженъ тѣсною толпой слушателей. Около него всѣ толпятся—и богатые аристократы, и бѣдные граждане, и ремесленники, и художники; и обо всемъ, что́ касается жизни, говоритъ онъ оди-

наково мудро; онъ понимаетъ и говоритъ о ремеслѣ и художествѣ такъ же хорошо, какъ ясно передаетъ слушателямъ своимъ высокія понятія добра и правды, знанія и прекраснаго, или труднѣйшіе вопросы ученія о гражданской жизни,—онъ будто все зналъ это, и такова скромность мудреца—признаетъ себя во всемъ не свѣдующимъ. Правда, что онъ рѣдко дѣлалъ прогулки внѣ города, и потому не могъ, какъ онъ говоритъ, изучать ни лѣсовъ, ни деревъ, ни камней, ни звѣзднаго неба,—да этого тогда и никто хорошо не зналъ; но за то Сократъ глубоко изучилъ человѣка. Этой наукѣ посвятилъ онъ всю свою жизнь, которую мы намѣрены передать сейчасъ нашимъ читателямъ. Вся она носитъ высокій интересъ, съ начала дѣятельности и до конца, до той страшно-трагической, и поражающей душу, минуты, когда открылось все величіе этой святой и правдивой души мудреца.

II.

Сократъ жилъ за 469 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ былъ сынъ ваятеля Софрониска и повивальной бабки Фенареты. Отецъ предназначалъ и его также къ ваятельному искуству, и Сократъ былъ не безъ дарованій къ нему: говорятъ, что долго хранились сдѣланныя имъ статуи трехъ грацій; но его стремленіе къ изслѣдованіямъ, его жажда узнать добро и истину указали ему иной путь, другую дѣятельность. Онъ бросилъ пластику и посвятилъ себя другому высшему искуству—воспитывать другихъ для добра.

До насъ дошло не много свѣденій о личной жизни Сократа, мало даже извѣстно о первоначальномъ его образованіи. Позднѣйшіе писатели навязывали ему множество учителей; у Платона онъ представляется изучающимъ философію Анаксагора; а Ксенофонтъ, напротивъ, прямо выставляетъ на видъ, что Сократъ вышелъ не изъ школы какого-нибудь учителя, но *самоучка* (автодидактъ) въ философіи. По рѣчамъ же Сократа видно, что онъ былъ умнѣе знаменитѣйшихъ своихъ современниковъ, обладалъ такимъ знаніемъ и имѣлъ столь развитой умъ, что съ нимъ почти никто не могъ успѣшно спорить. По всей вѣроятности, онъ изучалъ творенія мудрецовъ, но всего болѣе тру-

дился и размышлялъ самъ, и здѣсь-то нужно искать источникъ той самостоятельности, которою отличался Сократъ въ мысляхъ и дѣлахъ своихъ.

Сократъ никогда ничего не писалъ и не хотѣлъ собирать слушателей своихъ въ особое мѣсто, въ назначенные часы, посреди многолюдства, на городской площади, на гуляньяхъ, въ избранныхъ обществахъ, вездѣ и всегда онъ пользовался случаемъ—наставлять людей: судей, художниковъ, земледѣльцевъ, однимъ словомъ—всѣхъ братьевъ своихъ: онъ всѣхъ людей считалъ за братьевъ. Разговоръ свой Сократъ начиналъ всегда съ самыхъ ничтожныхъ предметовъ; но мало по малу и непримѣтнымъ образомъ, слушатели давали ему полный отчетъ въ своей жизни и съ удивленіемъ узнавали, что добрый другъ, добрый гражданинъ можетъ быть счастливъ во всякомъ положеніи.

Сократъ видѣлъ и зналъ, что его ученіе не полюбится Аѳинянамъ въ то время, какъ пелопонесская война волновала умы и доводила своевольство массъ до крайности; но онъ думалъ, что ихъ дѣти будутъ благоразумнѣе и сообщатъ его ученіе потомству.

Онъ привлекалъ молодежь къ себѣ своими ласковыми разговорами и нерѣдко принималъ участіе въ ихъ невинныхъ удовольствіяхъ. Одинъ изъ нихъ—Эсхинъ, выслушавъ однажды его бесѣду, сказалъ:

— «Сократъ! я бѣденъ, но отдаюсь тебѣ совершенно: болѣе у меня ничего нѣтъ».

«Ты не знаешь, другъ, какъ дорогъ твой подарокъ», отвѣчалъ ему Сократъ.

Онъ прежде всего старался узнать характеръ своихъ слушателей; помогалъ имъ выражать свои мысли и, при ошибкахъ, доказывалъ ихъ несостоятельность. При помощи Сократа, справедливыя и честныя убѣжденія заступали мѣсто ложныхъ, сообщенныхъ имъ дурнымъ воспитаніемъ; а сомнѣніе, искусно предложенное, вызывало въ нихъ любопытство. Великій учитель поставилъ себѣ задачу—сдѣлать нетерпимыми для молодыхъ людей невѣжество, слабости и надменное хвастовство. Многіе не могли выдержать этого опыта. Стыдясь самихъ себя, но не обладая достаточною силой для своего исправленія, они оставляли Сократа, который не хотѣлъ ихъ насильно удерживать. Другіе,

увидѣвъ недостатки свои, научились недовѣрять себѣ, послѣ чего Сократъ переставалъ уже ловить въ сѣти рѣчей ихъ самолюбіе. Никогда не говорилъ Сократъ, какъ строгій учитель, никогда не употреблялъ онъ жесткихъ обличеній, упрековъ; но слова его, по отзыву одного изъ учениковъ его, были «словами разума и дружбы, исходящими изъ устъ добродѣтели».

Онъ старался образовать разумъ своихъ слушателей, ибо всякое правило жизни, по его мнѣнію, должно имѣть свое разумное основаніе; онъ училъ и діалектикѣ, но потому только, что слушателямъ его приходилось опровергать хитрые и ложные выводы противниковъ, опытныхъ въ этомъ искуствѣ, такъ называемыхъ *софистовъ* *).

Софисты своими ложными умствованіями такъ подорвали значеніе разсужденій, что многіе не находили въ нихъ ни толку, ни смысла, считали ихъ пустою тратой времени. Сократъ возставалъ противъ этого недовѣрія къ разсужденію.

«Нѣкоторые», говорилъ онъ, «также ненавидятъ разсужденія, какъ иные людей. То и другое происходитъ изъ подобныхъ причинъ. Ненависть къ людямъ вообще рождается вслѣдствіе неблагоразумной и излишней довѣрчивости къ одному или нѣсколькимъ людямъ, которые обманули насъ; слѣдовательно ненависть къ людямъ происходитъ изъ незнанія людей, изъ ложнаго представленія *всѣхъ* одинакими. Также точно ненависть къ изслѣдованіямъ происходитъ отъ слѣпаго и неблагоразумнаго увлеченія рѣчами нѣкоторыхъ людей, тогда какъ впослѣдствіи они оказались ложными».

«Кто же въ этомъ случаѣ виноватъ? Конечно, больше тотъ, кто вѣритъ лжи. Поэтому ненавистники разсужденій не должны сваливать вину на разсужденія, но скорѣе должны ненавидѣть свое собственное увлеченіе и порицать себя. Итакъ, прежде всего

*) Такъ называли себя во времена Сократа бродячіе учители, которые, переходя изъ города въ городъ, вездѣ учили за деньги краснорѣчію и искуству говорить *за* и *противъ* всякаго положенія. Сократа часто смѣшивали съ софистами за его умѣнье вести искусно бесѣды; но Сократъ не только не былъ софистомъ, но всегда былъ горячимъ противникомъ этого направленія греческой мысли въ его эпоху, какъ это увидимъ ниже.

Самое имя *софиста* означало буквально *мудраго* (σοφος); а извѣстно, что Сократъ, вообще отличавшійся скромностію, никогда не усвоялъ самъ себѣ этого имени и всегда считалъ себя незнающимъ. Мы увидимъ ниже, что борьба Сократа съ софистами была отчасти причиной его обвиненія и осужденія.

будемъ осторожны и недопустимъ въ душу той мысли, будто въ разсужденіяхъ нѣтъ пользы и смысла; а лучше сознаемся, что мы нездоровы, и постараемся пріобрѣсти нужное намъ здоровье».

Сократъ не зналъ зависти. Когда ученики его хотѣли учиться математикѣ, онъ самъ указывалъ имъ, кому нужно отдать преимущество въ этой наукѣ; когда они желали учиться въ другихъ школахъ, онъ самъ знакомилъ ихъ съ философами, которые казались ему лучшими.

Однажды спросили Сократа, когда онъ убѣждалъ слушателей прощать обиды: неужели согласился бы онъ лучше быть обиженнымъ, чѣмъ обидѣть кого нибудь?

«Я не хотѣлъ бы ни того, ни другаго», сказалъ онъ, «но еслибы случилась необходимость выбора между тѣмъ и другимъ, то первое я бы выбралъ лучше, чѣмъ послѣднее».

Въ одно время, когда нѣкто досадовалъ на другаго за то, что тотъ не отвѣтилъ ему на поздравленіе, Сократъ замѣтилъ: «очень смѣшно, что ты, встрѣтивъ человѣка, который хуже тебя тѣломъ, не сердишся, а, встрѣтясь съ человѣкомъ, который имѣетъ душу грубую болѣе чѣмъ твоя, досадуешь».

Въ другое время, когда нѣкто жаловался, что ему никакая пища не пріятна, Сократъ сказалъ на это:

«Я хочу сказать тебѣ весьма полезное лекарство отъ этого».

— «Какое»? спросилъ тотъ.

«Перестань много ѣсть, а когда это сдѣлаешь, то будешь жить умѣреннѣе, здоровѣе и веселѣе».

Наставленія Сократа были не что иное, какъ дружескій разговоръ, гдѣ въ примѣрахъ изъяснялся предметъ, близкій всякому.

Онъ говаривалъ о дружбѣ: «отъ многихъ слышу я, что лучшій другъ—добро, которое лучше всѣхъ имѣній; но при этомъ вижу, что большая часть людей ни о чемъ не стараются такъ мало, какъ о пріобрѣтеніи друзей. Я вижу, что каждый больше заботится о пріобрѣтеніи домовъ, владѣній, рабовъ, скота и вещей домашнихъ и затѣмъ о сохраненіи пріобрѣтеннаго заботится болѣе, нежели о томъ, чтобы сыскать друга, о которомъ всѣ отзываются, что онъ есть наибольшее добро,—объ этомъ почти никто не заботится».

III.

Какъ ни много вліялъ Сократъ на слушателей своими рѣчами, но онъ гораздо болѣе училъ людей своею жизнію, которая была выраженіемъ его убѣжденій и практическимъ осуществленіемъ его ученія.

Однажды спросили Сократа, какое занятіе считаетъ онъ самымъ лучшимъ и достойнымъ мудраго человѣка?

«Добрыя дѣла», скромно отвѣчалъ Сократъ.

Подобно всѣмъ людямъ, рожденный съ предрасположеніемъ къ слабостямъ, онъ служилъ образцомъ добродѣтели. Онъ употреблялъ всю силу воли своей, чтобы побѣдить въ себѣ силу зла, пока, наконецъ, не достигъ того, что добро стало его характеромъ.

Много усилій ему стоило укротить свою природную вспыльчивость. Къ несчастію, Ксантиппа—жена его—отличалась очень вздорнымъ и бранчивымъ характеромъ, и нерѣдко выводила его изъ терпѣнія, причемъ Сократъ иногда старался отдѣлываться шутками. Такъ разсказываютъ, что однажды Ксантиппа, послѣ сильной домашней сцены, разсерженная, окатила съ досады мужа водой изъ сосуда. Сократъ на это тутъ замѣтилъ, что онъ не удивляется этому: «Послѣ грозы всегда бываетъ дождь».

Однажды въ гнѣвѣ, забывшись, онъ поднялъ было руку на своего раба, но мгновенно опомнился. «О если бы я не разсердился»! сказалъ онъ и—не ударилъ. Сократъ проспалъ своихъ друзей, при малѣйшей перемѣнѣ въ лицѣ и въ голосѣ, напоминать ему о твердости.

Въ домашней жизни Сократъ жилъ очень бѣдно, чѣмъ особенно была недовольна Ксантиппа, которая не прочь бы иногда роскошно угостить своихъ гостей, но по бѣдности не могла этого сдѣлать. Однажды, когда она, въ ожиданіи гостей, особенно жаловалась на бѣдность и скудость, Сократъ успокоивалъ ее такимъ соображеніемъ: «Гости, которыхъ мы ждемъ, или умны, и тогда они придутъ не ради угощенія, или глупые люди,—и тогда они не стоятъ того, чтобы хлопотать о нихъ. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ основаній для чрезмѣрной работы объ угощеніи и для печали, что угощеніе будетъ скудно».

Не смотря на свою бѣдность, Сократъ не бралъ ни съ кого платы за наставленія свои, и не принималъ ни отъ кого подарковъ за то, что, по его мнѣнію, должно быть всеобщимъ достояніемъ,—ибо здоровая мысль для души то же, что чистая вода и воздухъ для тѣла; брать плату за мысль, по его мнѣнію, такъ же нечестно и безчеловѣчно, какъ брать плату за свѣжее питье и чистый воздухъ.

По этому поводу Сократъ имѣлъ однажды такой разговоръ съ софистомъ Антифонтомъ, который, желая подорвать значеніе его предъ учениками, обратился къ нему съ такимъ разсужденіемъ:

— «Я думалъ, Сократъ, что тѣ, которые занимаются мудростью, должны быть счастливѣе другихъ людей, и вотъ ты совсѣмъ напротивъ,—по моему мнѣнію, совсѣмъ несчастливъ отъ этого занятія; вѣдь ты такъ живешь, что послѣдній изъ рабовъ, если бы ему довелось жить по твоему, едва-ли бы снесъ такую жизнь. Ѣшь и пьешь ты совсѣмъ плохо; верхнее платье у тебя не только скверное, но и всегда—лѣтомъ и зимою—одно и тоже; сапогъ же и исподняго платья у тебя никогда не было. Ты ни отъ кого не берешь денегъ, а вѣдь это веселье для пріобрѣтающихъ и лучшее средство для роскошной и пріятной жизни. Вотъ если ты, подобно прочимъ учителямъ, имѣешь въ виду сдѣлать своихъ учениковъ своими подражателями,—то не думаю, чтобы ты могъ ихъ научить чему либо кромѣ того, какъ быть несчастными».

«Я вижу Антифонтъ», отвѣтилъ ему на это Сократъ, «что тебѣ моя жизнь кажется большимъ несчастіемъ, такъ что, если бы тебѣ довелось такъ пожить, то я думаю, ты навѣрно предпочелъ этому смерть. Такъ мы, давай, разсмотримъ, что собственно въ моей жизни ты считаешь несчастіемъ? Во первыхъ, о платѣ за обученіе. Знаешь ли ты, что тѣ, кто беретъ плату за трудъ, принимаютъ вмѣстѣ съ нею на себя обязательство работать, а я какъ не беру вознагражденія, то совсѣмъ не принужденъ учить того, кого я не хочу. Что же касается до моей пищи, то за что ты относишся къ ней съ такимъ презрѣніемъ, — за то-ли, что она не такъ здорова, какъ твоя, или не такъ питательна? Или за то, что тѣ кушанья, какія ты ѣшь, по рѣдкости и дороговизнѣ, гораздо труднѣе достать, чѣмъ тѣ, какія я ѣмъ?

Или за то, что твое кушанье вкуснѣе моего? Но развѣ ты не знаешь, что кому свое кушанье нравится, тотъ не нуждается въ приправахъ, и кто пьетъ воду съ удовольствіемъ, тотъ не гоняется за тѣми напитками, какихъ у него нѣтъ? Ты вѣдь знаешь, далѣе, что тѣ, кто мѣняетъ одежды, дѣлаетъ это ради холода и зноя, и люди обуваются въ сандаліи, чтобы ходить безъ поврежденія ногъ. А видалъ-ли ты когда, чтобы недостатокъ обуви помѣшалъ мнѣ когда нибудь дѣлать свое дѣло? Замѣтилъ-ли ты, чтобъ я ради холода не выходилъ изъ дому, и ради зноя спорилъ съ кѣмъ нибудь изъ за прохладнаго мѣста, или ради болѣзни ногъ не ходилъ туда, куда я хочу? Или ты не знаешь, что и слабые отъ природы, при постоянномъ упражненіи силъ, могутъ перенести гораздо болѣе, нежели болѣе сильные люди, которые не обращали вниманія на упражненіе? Поэтому развѣ ты не понимаешь, что я нарочно заставляю свое тѣло привыкать къ тому, чтобъ оно могло терпѣливо перенести все, чтобы ни случилось? Вотъ почему я по привычкѣ все гораздо легче снесу, чѣмъ ты, безъ упражненій. А что меня не привлекаетъ обьяденіе и пьянство, роскошь и сонъ, то думаешь-ли ты, что для этого можетъ быть существуетъ иная причина, кромѣ той, какую я имѣю,—а именно, что есть для меня нѣчто пріятное болѣе всего этого, что меня не только радуетъ въ бѣдности, но и всегда мнѣ полезно? Кромѣ того, ты знаешь, что тѣ люди, которые никогда не видятъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, не могутъ быть счастливы, а напротивъ тѣ, кому удача вездѣ — или въ земледѣліи, или мореплаваніи, или въ другомъ чемъ—либо, о чемъ они стараются, радуются за свое счастье. Но можешь-ли ты думать, что все это можетъ дать столько же удовольствія, сколько даетъ постоянное преуспѣяніе въ добрѣ, или въ пріобрѣтеніи дружбы честныхъ людей? А я могу сказать тебѣ, что это всегда было главною моей задачей. Еслибы пришла нужда, дать помощь своимъ друзьямъ или обществу, то кто окажется способнѣе къ этому,—тотъ-ли, кто живетъ, какъ я нынѣ, или тотъ, чью жизнь ты такъ хвалишь? Кто легче снесетъ военную службу, тотъ-ли, кто не можетъ пробыть безъ богатаго стола, или тотъ, кто доволенъ всегда тѣмъ, что имѣетъ? Кто долѣе выдержитъ осаду—тотъ-ли, кто употребляетъ въ пищу самыя рѣдкія вещи, или тотъ, кто сытъ тѣмъ, что ему попа-

дется? Я вижу, Антиѳонтъ, что для тебя счастье въ сластяхъ и роскошной жизни; а мнѣ кажется, что истинно святое дѣло—ни въ чемъ не имѣть нужды, слѣдовательно, чѣмъ менѣе у кого нуждъ, тѣмъ тотъ ближе къ совершенству».

Не желая однако оставить Сократа безъ отвѣта, Антиѳонтъ отвѣтилъ:

— «Правда, Сократъ, что ты справедливъ; но за то мудрымъ тебя рѣшительно нельзя назвать, въ чемъ, я надѣюсь, ты и самъ сознаешся. Вотъ ты за ученіе ни отъ кого не берешь денегъ; но вѣдь еслибы ты былъ увѣренъ, что платье, домъ, или иная какая вещь изъ твоего имѣнія чего — нибудь стоитъ, то ты ее никому не отдашь не только даромъ, а даже не отдашь и за цѣну, меньшую ея стоимости. Поэтому, очевидно, еслибы ты былъ увѣренъ, что твое ученіе стоитъ чего—нибудь, то ты за него не сталъ бы требовать денегъ меньше, нежели сколько оно стоитъ; и такъ, ты можешь быть названъ справедливымъ, потому что чуждъ обмана изъ сребролюбія; а мудрымъ—никогда, потому что все, что ты знаешь, ничего не стоитъ».

На это Сократъ отвѣчалъ ему:

«Мы такъ разсуждаемъ, Антиѳонтъ, что какъ красоту, такъ и мудрость можно употребить во зло и въ добро; мы называемъ публичною развратницей ту женщину, которая продаетъ свою красоту всякому за деньги; а ту женщину называемъ благородною, которая искренно полюбитъ и отдастся тому человѣку, въ добродѣтели и честности котораго она вполнѣ увѣрена: за первыхъ почти нужно почитать и тѣхъ мудрецовъ, которые *продаютъ* каждому свою *мудрость* за деньги. А тотъ напротивъ заслуживаетъ имя добраго и честнаго гражданина, кто, замѣтивъ въ комъ—либо природную остроту ума, учитъ его тому, что только онъ знаетъ добраго,—учитъ, чтобы тѣмъ пріобрѣсти себѣ его любовь. Такимъ образомъ я, Антиѳонтъ, получаю большее счастье отъ моихъ добрыхъ друзей, нежели кто отъ доброй лошади, собаки, или птицы, и если что самъ хорошо знаю, я учу или самъ, или предоставляю другимъ, которые могутъ ихъ сдѣлать добродѣтельными, и самымъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ считаю взаимную любовь между людьми».

Живо убѣжденный въ истинѣ своего ученія, Сократъ рѣшился на важное и великое предпріятіе — путемъ убѣжденія иско-

ренять людскія заблужденія и предразсудки; ради истины и общаго блага, онъ взялъ на себя трудную и опасную миссію — учить людей и путемъ истины вести ихъ къ добродѣтели.

IV.

Мы видимъ Сократа, какъ онъ смѣло идетъ противъ многочисленной и шумной толпы, желая заставить ее одуматься, замѣтить свои заблужденія, сознаться, что подъ ихъ знаніемъ скрыто невѣжество. Его ученіе не было враждебно кореннымъ законамъ греческой республики, но не совсѣмъ имъ и отвѣчало. Понятно, что все это вызывало сильное раздраженіе въ умахъ его противниковъ.

Онъ такъ отзывался о своемъ трудѣ народнаго учительства:

«Сынъ Софрониска, по волѣ Божіей, тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе».

Но оводовъ не любятъ, и отъ Сократа старались избавиться, подыскивали неправильныя толкованія его словамъ.

Онъ, напримѣръ, указывалъ на слѣдующее древнее выраженіе греческаго поэта Гезюда, какъ на мысль, достойную вниманія:

«Никакой трудъ не заслуживаетъ осужденія, только одна праздность позорна». Обвинители выводили отсюда мысль, что не должно уклоняться ни отъ какого дѣла, какъ бы оно ни было дурно и несправедливо, и навязывали это ученіе Сократу. Сократъ же всегда доказывалъ, что трудолюбіе полезно и честно, а праздность наоборотъ—вредна и позорна—совсѣмъ иначе.

Онъ называлъ трудомъ только то занятіе, какое дѣйствительно полезно и почтенно, а пустыя занятія, вредныя и порочныя дѣйствія онъ называлъ праздностью, хотя бы это и была дѣятельность, но безтолковая и непроизводительная;—въ этомъ смыслѣ имѣлъ основаніе сказать, что никакого «труда» порицать не должно, кромѣ праздности.

Нѣкоторые богатые люди, зная бѣдность Сократа, предлагали ему домъ и содержаніе, но онъ рѣшительно отказывался отъ всѣхъ подобныхъ предложеній. Архелай, македонскій царь, звалъ его къ своему царскому двору, онъ отказался и въ этомъ случаѣ, говоря, что «не можетъ платить ему благодѣяніемъ за благодѣяніе».

Уважая трудъ, Сократъ рѣзко изобличалъ людей *праздныхъ*, къ которымъ онъ относилъ нетолько *ничего* не дѣлающихъ, но и всѣхъ, кто занимался *пустяками*.

«Я примѣчаю», говорилъ онъ, «что большая часть людей всегда чѣмъ—нибудь занимается,—потому что и тѣ, кто въ кости играетъ, и тѣ, что смѣшатъ другихъ, имѣютъ также занятія; но всѣ они, и имъ подобные, живутъ въ праздности, и потому они должны бы, оставя въ сторонѣ такія дѣла, (бездѣлье) приняться за что—нибудь лучшее; тогда какъ никто не станетъ терять времени на то, чтобы отстать отъ лучшаго и взяться за худшее; а если кто такъ дѣлаетъ, тотъ весьма худо дѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже прежде имѣлъ за собою полезное дѣло».

Однажды одинъ изъ гражданъ Аѳинскихъ жаловался Сократу, что, по случаю народныхъ волненій, къ нему явилось множество родственниковъ и знакомыхъ.

— «Ихъ много, а я небогатъ», говорилъ онъ; «нельзя не пожалѣть ихъ въ горѣ, а кормить ихъ мнѣ нечѣмъ».

Сократъ въ отвѣтъ указалъ ему на множество народа въ мастерскихъ, гдѣ всѣ добываютъ себѣ пищу трудомъ; и когда узналъ, что всѣ родственники его обучены многимъ занятіямъ, но *стыдятся* исполнять ихъ ради благородства, какъ свободные граждане, то онъ обратился къ слушателю съ такою рѣчью:

«Что же, если твои родственники свободны, то развѣ, по твоему мнѣнію имъ слѣдуетъ не дѣлать уже ничего болѣе, какъ только ѣсть и спать? Или ты полагаешь, что тѣ, кто живетъ такимъ образомъ, довольнѣе и счастливѣе тѣхъ, которые трудомъ заработываютъ кусокъ хлѣба? Или не думаешь ты такъ, что праздность и лѣность необходимы людямъ для изученія полезныхъ вещей, для сохраненія въ памяти изученнаго, для здоровья и тѣлесной крѣпости, для пріобрѣтенія и сохраненія необходимаго въ жизни; а трудолюбіе и прилежаніе здѣсь ничего не помогаютъ? Развѣ твои родственники (ты сказалъ, что они многое умѣютъ дѣлать) развѣ они для того только учились, чтобы никогда не думать о томъ, что умѣнье ихъ можетъ быть полезно въ жизни, учились для того, чтобы никогда дѣломъ не заниматься или напротивъ, учились для того, чтобы прилежно исполнять все, кто чему научился, и извлекать изъ труда пользу? За что человѣка считаютъ умнымъ,—за то-ли, что живетъ онъ въ празд-

ности, или за то, что онъ занимается полезнымъ производствомъ? И что болѣе можетъ ихъ спасти, то ли, что они занимаются рукодѣльемъ, или то, что они сидятъ, руки поджавши и разсуждаютъ о недостаткѣ пищи? А мнѣ къ тому еще на умъ приходитъ то, что ни ты не любишь ихъ, ни они — тебя: ты ихъ за то не любишь, что ихъ пребываніе вводитъ тебя въ убытокъ, а они за то, что замѣчаютъ твое недовольство ими. И нужно опасаться, чтобы ненависть не развивалась, а любовь не изчезла между вами мало по малу. А если они займутся работой подъ твоимъ руководствомъ, то и ты станешь ихъ любить, потому что получаешь отъ нихъ пользу; они—тебя, видя, что ты къ нимъ расположенъ; а потомъ, съ благодарностью вспоминая взаимныя услуги, вы тѣснѣе сойдетесь, и ваши отношенія будутъ любезнѣе и пріятнѣе».

«Дѣйствительно, еслибы они вынуждены были дѣлать что-нибудь безчестное, въ такомъ случаѣ лучше умереть; но они, какъ и должно, научились тому, что справедливо считается честнымъ и вполнѣ приличнымъ занятіемъ для нихъ; а вѣдь всякій охотно, скоро, удачно и съ большимъ удовольствіемъ дѣлаетъ то дѣло, какое умѣетъ: а потому, нечего медлить, поди и посовѣтуй имъ приняться за то, что будетъ полезно какъ тебѣ, такъ и имъ, а они тебя, какъ должно, выслушаютъ съ охотой».

Дѣло окончилось тѣмъ, что Аристархъ закупилъ матеріала для работы, всѣ взялись за дѣло дѣйствительно съ охотой, трудъ же сдѣлалъ и пищу для нихъ болѣе вкусною, и внесъ въ домъ болѣе прямыя и откровенныя отношенія между членами семьи, чѣмъ это было прежде.

Отличаясь скромностію во внѣшнемъ образѣ жизни, Сократъ въ то же время отличался и замѣчательною трезвостію. На пиршествахъ, гдѣ удовольствіе доходило иногда до излишества, онъ никогда не переходилъ границъ умѣренности.

«Онъ такъ былъ умѣренъ въ пищѣ и питьѣ», говоритъ Ксенофонтъ, «что я не знаю, какой работникъ могъ такъ мало заработать, чтобы не хватило на пропитаніе Сократа. Онъ столько ѣлъ, сколько могъ ѣсть съ удовольствіемъ, и садился ѣсть только тогда, когда самая потребность пищи (аппетитъ) замѣняла ему прелесть яствъ. Всякое питье для него было пріятно, потому что онъ никогда не пилъ не имѣя жажды. Когда его звали на пиръ, а

онъ не хотѣлъ отказаться, то ему ничего не стоило удержать себя отъ объяденія, тогда какъ для другихъ это обыкновенно очень трудно сдѣлать. Тѣмъ, кто страдалъ недостаткомъ воздержанія, Сократъ совѣтовалъ оставлять въ сторонѣ тѣ кушанья и питья, которыя вызываютъ искуственную жажду къ ѣдѣ и питью, хотя бы и не хотѣлось ни того, ни другаго. Онъ говорилъ, что это вредно не только для желудка, но не менѣе и для головы, ибо и уму приноситъ вредъ». Сократъ въ шуткахъ при этомъ разсказывалъ, что такимъ образомъ Цирцея — нимфа дѣлала людей свиньями, откармливая ихъ многочисленными яствами, и что Одиссей, по совѣту Гермеса и благодаря собственному воздержанію, только потому не обратился въ свинью, что воздержался отъ предложеннаго угощенія. Эта исторія взята Сократомъ у Гомера, изъ его «Одиссеи».

При умѣренности и скромности, Сократъ отличался стойкостію и мужествомъ, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и вездѣ служилъ образцомъ храбрости и повиновенія дисциплинѣ. Издавна пріученный къ нуждѣ и непогодѣ, философъ — воинъ, при осадѣ Потидеи, во время сильнаго холода, когда все войско пряталось по палаткамъ, ходилъ по льду, какъ всегда, босыми ногами и въ обыкновенномъ своемъ платьѣ, такъ что воины приняли это за насмѣшку надъ ихъ изнѣженностію, а Сократъ просто не хотѣлъ измѣнять своимъ привычкамъ.

Въ эту же осаду, Алкивіадъ въ битвѣ былъ тяжело раненъ, и ему угрожалъ плѣнъ. Сократъ бросился за нимъ въ бой, отбилъ его изъ рукъ непріятеля и потомъ охотно уступилъ спасенному имъ юношѣ награду за мужество — награду, которую вполнѣ заслужилъ самъ.

Въ битвѣ при Деліумѣ, когда соотечественники его обратились въ бѣгство, Сократъ оставался позади всѣхъ, вмѣстѣ съ военачальникомъ, давая ему совѣты, отступая тихими шагами, и постоянно отражая нападавшихъ; увидѣвъ здѣсь юнаго Ксенофонта, который лежалъ безъ чувствъ на землѣ, онъ взялъ его къ себѣ на плечи и донесъ до безопаснаго мѣста. Лансъ—имя военачальника—сказалъ послѣ, что побѣда не измѣнила бы ему, еслибы всѣ воины исполняли свою должность, подобно Сократу.

Онъ обнаруживалъ не разъ свое мужество и въ другихъ случаяхъ, быть можетъ, еще болѣе опасныхъ. Такъ, однажды, по-

жребію ему досталось быть выбраннымъ въ число сенаторовъ, и когда онъ предсѣдательствовалъ въ народныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ другими членами сената, демагоги хотѣли осудить военачальниковъ, одержавшихъ славную побѣду, за то, что тѣ не совершили погребенія, по обычаю, надъ павшими въ битвѣ. Судъ былъ просто беззаконный; народъ приходилъ въ ярость отъ малѣйшаго противорѣчія, добивался безусловнаго осужденія и требовалъ, чтобы несогласныхъ включали въ число обвиняемыхъ. Товарищи Сократа, подъ вліяніемъ страха, согласились на общее требованіе; одинъ Сократъ, не боясь ни какихъ угрозъ клялся, что онъ не будетъ судить беззаконно, и—не нарушилъ своей клятвы.

Сократъ былъ друженъ со всѣми великими людьми своей эпохи, но всего дружнѣе и ближе онъ былъ съ учениками своими. «Безъ любви ничему нельзя научиться», говорилъ онъ всегда. Анахаренсъ говоритъ, что когда онъ, послѣ его смерти, видѣлся съ учениками Сократа, то они безъ слезъ не могли и вспоминатъ о немъ.

V.

Выше мы уже упоминали о софистахъ,—Сократъ относился весьма не дружелюбно къ ихъ ученію, и борьба съ ними не только отравляла его жизнь, но и была отчасти причиною его обвиненія и смерти. Дѣло въ томъ, что софисты отвергали общія истины, подрывали вѣру въ добро, въ счастіе, въ право и говорили, что «человѣкъ—мѣра всего». Законъ они называли такимъ изобрѣтеніемъ народныхъ правителей, которое вовсе не имѣло въ виду удовлетворятъ нуждамъ самаго народа, а только служило личной выгодѣ самихъ правителей; слѣдовательно, говорили они, исполнять законъ могутъ только тѣ глупыя головы, которыя не въ состояніи понять, что ихъ надуваютъ. Самое общество, по ихъ ученію, образуется изъ чисто-личныхъ интересовъ его членовъ, и имѣетъ въ виду одну частную выгоду, а совсѣмъ не общее благо; въ обществѣ тотъ уменъ, кто сумѣетъ провести другихъ; счастіе, любовь, дружба—все это или личная выгода, или глупая мечта.

Софисты такъ хорошо умѣли говорить, что увлекали народъ

своимъ краснорѣчіемъ, и бороться съ ними было крайне трудно. Но Сократъ зналъ, что дѣлать. Онъ самъ такъ мастерски изучилъ ихъ способъ краснорѣчія, что въ разговорахъ съ самыми даже опытными изъ софистовъ, всегда сбивалъ ихъ съ толку; софисты путались въ противорѣчіяхъ и принуждены были сознаваться, что они неправы, самъ же Сократъ вовсе не гордился успѣхомъ и всегда считалъ себя незнающимъ.

«Тотъ не противорѣчитъ себѣ», говорилъ онъ, «кто утверждаетъ только то, что онъ знаетъ дѣйствительно, равно не противорѣчитъ себѣ и тотъ, кто не зная чего-либо, такъ и говоритъ, что не знаетъ. Противорѣчитъ себѣ тотъ, кто не зная чего нибудь, думаетъ, что онъ онъ знаетъ это. Самомнительное невѣжество хуже незнанія».

Въ своихъ рѣчахъ Сократъ умѣлъ остроумно и ѣдко смѣяться надъ невѣжествомъ, выдающимъ себя за всезнаніе. Софисты утверждали, напримѣръ, что нѣтъ истины и одной, общей всѣмъ, а Сократъ доказывалъ противное.

Однажды на площади одинъ изъ такихъ противниковъ, посмѣиваясь надъ Сократомъ, замѣтилъ ему:

— «Что это, Сократъ, ты все говоришь одни и тѣ же рѣчи, которыя я давно отъ тебя уже слышалъ».

«Не только тѣ рѣчи говорю», отвѣчалъ тотъ, «но, что̀ покажется тебѣ всего досаднѣе, даже объ однихъ и тѣхъ же вещахъ; ты же вѣдь, навѣрно, по своему великому знанію, никогда неговоришь объ одной вещи и то же самое въ другой разъ»?

— «Конечно, я всегда стараюсь говорить что нибудь новое».

«Какже ты отвѣчаешь», спросилъ Сократъ, «о предметахъ, которыхъ истинность извѣстна,—напримѣръ, когда кто тебя спроситъ, сколько и какія буквы составляютъ имя «Сократъ», развѣ ты и въ этомъ случаѣ одинъ разъ такъ скажешь, а въ другой—иначе? Или если кто тебя спроситъ о числахъ, напримѣръ, сколько составитъ дважды-пять? Ты разъ одно скажешь, а въ другой отвѣтишь другое»?

Сократъ не любилъ толковать о такихъ предметахъ, о которыхъ сколько ни толкуй, толку не будетъ; онъ не рѣшалъ вопросовъ отъ чего все, къ чему и откуда и называлъ сумасшедшими тѣхъ, кто брался за эти неразрѣшимые вопросы.

«Странный народъ», отзывался о нихъ Сократъ, «они, вѣроятно, думаютъ, что узнали уже все человѣческое и берутся за испытаніе божественнаго; или полагаютъ, что задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы презирать свойственное человѣку знаніе и добиваться божескаго. Право, нельзя не удивляться, какъ это мудрые не могутъ видѣть, что человѣческому уму нельзя постигнуть дѣлъ божіихъ. И наконецъ, къ чему это знаніе, если бы оно и было возможно? Изслѣдователи того, что̀ доступно уму человѣка, имѣютъ въ виду пріобрѣсти знанія, которыя они могутъ по своему желанію *употребить* на пользу себѣ и другимъ. Не думаютъ ли эти изслѣдователи божескихъ вещей также извлечь изъ сего практическую пользу, и узнавъ причины и дѣйствія ихъ, имѣть возможность, когда захотятъ, производить вѣтеръ, воду, перемѣны временъ и все, что имъ понадобится? А если нѣтъ, то къ чему же знаніе?

Изъ безполезности такого знанія Сократъ заключилъ, что наука единственно нужная для людей, есть наука о ихъ обязанностяхъ, и единственное занятіе, достойное мудреца, есть изъясненіе этихъ обязанностей. И постояннымъ предметомъ его изысканій было опредѣленіе того, что благочестиво, честно, разумно, къ чему долженъ стремиться и чего долженъ избѣгать мудрый. Со всѣмъ тѣмъ онъ никогда не хотѣлъ называть себя учителемъ, а только просилъ смотрѣть на его жизнь и ей подражать.

Сократъ былъ человѣкъ религіозный; но въ дѣлѣ религіи онъ держался тѣхъ же мнѣній, какія были общи для Грековъ того времени.

Онъ никогда не брался изъяснять, что такое Божество; но онъ весьма ясно раскрывалъ божественный промыселъ, провидѣніе и особенную заботливость о человѣкѣ, самомъ любимомъ божьемъ твореніи. Признавая единаго Бога—творца міра, онъ допускалъ, какъ и всѣ другіе Греки того времени, многихъ боговъ, (политеизмъ—многобожіе). Онъ признавалъ необходимость поклоняться богамъ, но не одобрялъ безобразные обряды языческаго богослуженія. «Обряды», говорилъ онъ, «ничто—безъ добраго расположенія и чистаго сердца. Истинное богопочтеніе—это исполненіе каждымъ своего долга. Будетъ-ли то государственный мужъ, работающій для блага народнаго, или поселя-

нинъ, воздѣлывающій землю,—всѣ, если они полезны обществу и честно исполняютъ трудъ свой,—всѣ служатъ и Богу. А кто ничего добраго сдѣлать не можетъ, тотъ и для людей безполезенъ и Богу непріятенъ».

Относительно моленій о дарованіи благъ свыше онъ говорилъ такъ: «Нужно молиться, чтобы боги ниспосылали намъ все доброе, а что именно, это Богу лучше знать. Если же кто проситъ у Бога золота или серебра, царства или богатства, то эта просьба походитъ на то, какъ если бы кто сталъ просить у Бога позволенія поиграть въ кости, или начать войну, или другое что нибудь подобное тому».

Что же касается до жертвъ, приносимыхъ божеству, то Сократъ главнымъ въ нихъ считалъ расположеніе приносящаго. Для боговъ, говорилъ онъ, было бы весьма позорно, еслибъ они смотрѣли на количество и богатство жертвъ,—тогда считались бы наиболѣе достойными жертвы негодяевъ богатыхъ, а не истинно добрыхъ, но бѣдныхъ людей».

Выше всего Сократъ цѣнилъ добро. Истинное добро вѣчно и неизмѣнно; оно наполняетъ душу, не истощая силъ ея, и приводитъ ее въ мирное и спокойное расположеніе. Слѣдовательно, оно состоитъ не въ удовольствіяхъ, не въ обладаніи властью, не въ богатствѣ и почестяхъ. Все это только раздражаетъ наши желанія, а не успокоиваетъ, и само по себѣ не можетъ назваться благомъ, ибо можетъ быть и полезно, и вредно по своему употребленію. Кромѣ того, съ однимъ благомъ соединена горесть, съ другимъ—отвращеніе или раскаяніе; а злоупотребленіе совсѣмъ разрушаетъ ихъ достоинство; и уже одно то, что мы боимся утратить ихъ, отравляетъ наслажденіе ими.

Мы не имѣемъ точнаго понятія о бѣдствіяхъ, которыхъ боимся; напр., несчастіе, болѣзнь, бѣдность вызываютъ въ насъ ужасъ, а они иногда приносятъ больше пользы, чѣмъ счастіе, богатство и здоровье.

Окруженные предметами, которыхъ существо отъ насъ сокрыто, мы только посредствомъ луча истины отличаемъ добро отъ зла, правду отъ лжи, честное отъ позорнаго. Дѣйствія наши обусловливаются выборомъ, а выборъ тѣмъ ненадежнѣе, чѣмъ темнѣе наши *знанія*; безъ знанія мы всегда можемъ попасться въ сѣти, разставленныя вокругъ насъ.

Человѣкъ не оставленъ безъ вождя по такому не ясному и опасному пути,—этотъ вождь—*мудрость*, которой противоположно первое зло—*невѣжество*. Мудрость принадлежитъ просвѣщенному уму, который, снимая ложныя краски и покровы съ предметовъ нашей *боязни* и *надежды*, показываетъ ихъ намъ въ *истинномъ* видѣ, утверждаетъ мнѣнія и подчиняетъ волю нашу только одному закону очевидности. Посредствомъ этого чистаго, живаго свѣта человѣкъ дѣлается справедливымъ, потому что онъ вполнѣ *убѣжденъ*, что ему выгодно повиноваться законамъ и никому не вредить; онъ умѣренъ и воздержанъ, ибо для него *ясно*, что неумѣренность въ удовольствіяхъ ведетъ за собою утрату здоровья, имѣнія и добраго имени; онъ мужественъ сердцемъ, потому что *знаетъ* опасность и необходимость презирать ее. Другія добродѣтели рождаются отъ той же причины, или лучше сказать, они ничто иное, какъ дѣйствія *мудрости* въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Отсюда очевидно, что всякая добродѣтель есть *знаніе*, которое совершенствуется опытомъ и размышленіемъ, а всякій порокъ есть—*невѣжество*, которое по своей природѣ должно рождать всѣ другіе пороки.

Это мнѣніе было предметомъ философскихъ споровъ и многіе возражали на него Сократу.

— «Мы дѣлаемъ зло», говорили ему, «не по невѣжеству, а по слабости; дѣлаемъ его, зная, что оно зло».

— «Вы не знаете этого», отвѣчалъ Сократъ, «иначе, видя зло, всякій бы отвергъ его; но вы предпочитаете зло добру, потому что оно кажется вамъ еще большимъ добромъ».

Противники говорили: «мы осуждаемъ наше дурное дѣло и прежде, и послѣ его совершенія; но бываютъ минуты, когда привлекательность порока одерживаетъ верхъ надъ мудростью и закрываетъ отъ глазъ нашихъ будущее. Можемъ ли мы уничтожить когда-либо страсти, которыя порабощаютъ насъ невольно»?

— «Если вы рабы ихъ», отвѣчалъ Сократъ, «то для васъ нѣтъ добродѣтели, слѣдовательно, нѣтъ и счастья. Голосъ мудрости, которая одна только можетъ сдѣлать насъ счастливыми, слышатъ только люди, свободные отъ страстей, или желающіе свободы. Чтобы снять съ васъ самозданныя ваши цѣпи, мудрость требуетъ себѣ въ жертву только одни ложныя, неестественныя

потребности и удовольствія. Кто понимаетъ и любитъ ея наставленія, тотъ легко можетъ выйти изъ рабства, которое помрачаетъ разсудокъ. Нужно бояться не тиранніи страстей, но гибельнаго невѣжества, которое предаетъ насъ страстямъ, увеличивая ихъ власть. И такъ, нужно истребить корень зла—невѣжества, а безъ корня сами собою пропадутъ и всѣ отростки, всѣ проявленія зла».

ЖАДНЫЙ УТЕНОКЪ.

На картинкѣ представлены двѣ маленькія деревенскія дѣвочки, которыя пришли на берегъ ручейка покормить своихъ утятокъ. Весной мать той дѣвочки, что въ красномъ сарафанѣ, купила въ городѣ одну большую утку, которую вы видите посреди маленькихъ утятъ. Уткѣ должно быть не весело было плавать одной въ ручейкѣ; дѣвочка въ красномъ сарафанѣ жалѣла о ней и часто приходила ласкать и кормить ее. Вечеромъ она всегда брала ее съ собой домой и утка ночевала въ одной комнатѣ съ нею.

Разъ утромъ дѣвочка нашла подъ скамейкой хорошенькое синеватаго цвѣта съ пятнышками яичко. Она показала его матери и спросила ее, какъ могло яичко очутиться подъ лавкой. «Это намъ принесла наша новая уточка, сказала ей мать, она принесетъ еще много такихъ яицъ, собирай ихъ всѣ въ корзину»!

Дѣвочка послушалась матери и черезъ нѣсколько времени набрала больше десятка такихъ яицъ. Но тутъ вскорѣ случилось то, чего дѣвочка ужъ совсѣмъ не ожидала. Мать взяла утку, посадила ее въ корзину, гдѣ лежали яйца, и сказала ей.

«Полно тебѣ гулять, посиди-ка здѣсь, да займись дѣломъ»!

Уточка какъ будто поняла, что говорила мать, и смирно сидѣла въ корзинѣ.

«Мама, что дѣлаетъ уточка», спрашивала дѣвочка, «пусти ее опять погулять».

«Не надо», отвѣчала мать, «корми ее здѣсь, только яицъ, смотри, не тронь». Дѣвочка была очень послушная. Она не тронула ни одного яичка, но разсказала обо всемъ своей подругѣ въ си-

немъ сарафанчикѣ, и онѣ вмѣстѣ кормили уточку, которая, по приказанію мамы, дѣлала какое то дѣло, какое онѣ никакъ не могли догадаться.

Прошло много дней, дѣвочкамъ уже надоѣло заниматься уткой, и она, пожалуй, умерла бы съ голоду за своимъ дѣломъ, если бы мама не была терпѣливѣе своей дочки и не кормила ее сама.

Разъ вечеромъ, когда дѣвочка вернулась домой, вдоволь наигравшись съ другими деревенскими дѣтьми, мать сказала ей:

«Поди-ка, посмотри, какое дѣло сдѣлала наша уточка».

Дѣвочка подошла къ корзинѣ и громко вскрикнула отъ радости и удивленія. Тамъ вмѣсто яицъ сидѣли крошечныя желтенькія птички.

«Мама, откуда они»? спросила дѣвочка.

«Изъ яицъ», отвѣчала мать. «Уточка сидѣла и согрѣвала ихъ, и вотъ изъ нихъ вышли маленькіе утяточки».

Дѣвочка очень полюбила добрую уточку за то хорошее, полезное дѣло, которое она сдѣлала, а ея маленькихъ желтенькихъ дѣточекъ полюбила еще больше. Онѣ первое время жили въ комнатѣ и на дворѣ, гдѣ для нихъ стояло большое корыто съ водой, въ которомъ они пресмѣшно полоскались. Но къ концу лѣта мать позволила вести ихъ на ручеекъ, и туда дѣвочка стала приходить всякій день съ своей подругой кормить ихъ и любоваться ими.

Уточки скоро научились узнавать ихъ. Бывало, чуть завидятъ, что по тропинкѣ къ нимъ спускаются дѣвочки, сейчасъ начнутъ пресмѣшно покрякивать, поодиночкѣ вылѣзать изъ воды и, переваливаясь съ ноги на ногу, подходить къ нимъ. Впереди всѣхъ обыкновенно шелъ одинъ утеночекъ, очень жадный малютка. Въ ручейкѣ было много и червячковъ, и личинокъ, и разныхъ насѣкомыхъ, которыми онъ вдоволь лакомился вмѣстѣ со своими братцами и сестрицами, а все таки онъ не могъ дождаться прихода двухъ подругъ, которыя полными пригоршнями бросали на берегъ крошки хлѣба съ творогомъ и сѣмечки. Дѣвочки не понимали, что утенокъ спѣшитъ имъ на встрѣчу изъ жадности, онѣ были вполнѣ увѣрены, что онъ нѣжно любитъ ихъ и платили ему тѣмъ же. Онѣ обыкновенно брали его на руки, ласкали и цѣловали. Вотъ и теперь дѣвочка въ краснепькомъ сарафан-

чикѣ держитъ его на рукахъ и называетъ своимъ голубчикомъ, милою пташечкою.

А милая пташечка въ это время, хотя и сидитъ смирно, но въ душѣ совсѣмъ не довольна своимъ положеніемъ. Она съ завистью поглядываетъ на своихъ сестрицъ, которыя уже начали клевать кормъ изъ рукъ дѣвочки въ синемъ, и думаетъ про себя:

»Что это за глупая дѣвочка. Чего она меня тискаетъ и треплетъ! Неужели она воображаетъ, что ея ласки могутъ быть пріятнѣе вкусныхъ крошечекъ хлѣба. Ахъ! такъ бы и склевалъ ихъ всѣхъ»!

Неблагодарный утенокъ! онъ забывалъ, что кромѣ лишнихъ ласкъ на его долю выпадалъ и лишній кормъ. У дѣвочекъ всегда были припасены лучшіе кусочки для ихъ любимчика и ему всегда доставалось больше, чѣмъ другимъ. Да если бы дѣвочки и не заботились о немъ такъ особенно, онъ все таки съумѣлъ бы быть сытымъ.

Трудно было найти птицу жаднѣе его. Чуть появлялась какая нибудь пища, онъ сейчасъ же набрасывался на нее и въ одинъ мигъ проглатывалъ ее. Онъ никогда не думалъ о томъ, чтобы подѣлиться кормомъ со своими братцами и сестрицами, напротивъ онъ безжалостно билъ и клевалъ ихъ чуть они подходили къ его пищѣ. Старая утка замѣчала дурной нравъ своего сына и часто отгоняла его прочь, чтобы дать поѣсть кому нибудь изъ его болѣе слабенькихъ братцевъ, которые при жадномъ забіякѣ боялись дотрогиваться до пищи. Дѣвочки не понимали за что мать такъ обижаетъ ихъ любимца и старались вдвое болѣе ласкать и кормить его, чтобы утѣшить за эту несправедливость. За то посмотрите какимъ толстякомъ сталъ жадный утеночекъ.

Онъ гораздо толще всѣхъ своихъ братьевъ и сестрицъ, жаль, что дѣвочка держитъ его на рукахъ, а то вы ясно увидѣли бы это. Нельзя сказать, чтобы эта толстота была ему очень пріятна. Другіе утята весело плещутся въ водѣ, плаваютъ взапуски, ныряютъ своими желтенькими головками, встряхиваютъ маленькими крылушками, а онъ сидитъ себѣ около самаго берега, въ травѣ, да то и знай ѣстъ разныя разности, а о весельѣ и не думаетъ. Какое ужъ тутъ веселье, когда на желудкѣ у него точно камень лежитъ, даже и двигаться то лѣнь! Иногда его

дѣятельная сестричка, вотъ та, что на картинкѣ плыветъ сказать о приходѣ дѣвочекъ своимъ двумъ маленькимъ братцамъ, которые сидятъ подлѣ матери, иногда эта сестричка подплыветъ къ нему и тихонько толкнетъ его въ бокъ.

«Полно тебѣ сидѣть на мѣстѣ», скажетъ она ему, «пойдемъ по плаваемъ».

«Убирайся вонъ», сердито проворчитъ неповоротливый утенокъ, «куда тамъ плавать и здѣсь хорошо! Вотъ сколько червяковъ»!

«Тебѣ все только ѣсть да ѣсть, смотри, ты какой жирный, насилу шевелишься». «Ну такъ чтожъ? жирный такъ жирный, пошла прочь, я спать хочу».

Изъ этого разговора вы видите, что прожорливый утенокъ былъ очень не любезенъ со своей сестрицей. А между тѣмъ она одна изъ всей семьи любила его, всѣ же прочіе терпѣть его не могли. Да и за что было любить его, подумайте сами?

Играть и веселиться съ ними онъ никогда не хотѣлъ, во время ѣды всегда обижалъ ихъ, у него никогда не было желанія сдѣлать что нибудь пріятное для нихъ, мудрено ли если и они перестали считать его своимъ братцемъ и смотрѣли на него какъ на чужаго, да еще очень несноснаго чужаго. Одна только добренькая сестричка прощала ему его дурной нравъ и часто оставляла игру, чтобы посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ одинъ.

Разъ какъ то всѣ утята, не исключая и неповоротливаго обжоры, вышли погулять на берегъ. День былъ теплый, солнечный. Они походили по мяконькому лужку, поѣли травки, а потомъ, когда всѣмъ имъ стало немножко жарко, мать позвала ихъ опять къ ручейку выкупаться въ свѣженькой водицѣ. Всѣ утята, услышавъ голосъ матери, сбѣжались къ ней и веселой гурьбой поскакали въ воду. Когда всѣ они были уже довольно далеко отъ берега, маленькая уточка оглядѣла всѣхъ своихъ братцевъ, смотритъ, одного не хватаетъ! Ну, такъ и есть! это жадный утенокъ опять не поспѣлъ за всѣми и остался одинъ на берегу. Да не случилось ли чего-нибудь съ нимъ? Уточкѣ стало страшно. Она быстро поворотила назадъ и отправилась на берегъ отыскивать отставшаго братца. Смотритъ, а онъ сидитъ себѣ около кустовъ, недалеко отъ берега, уткнувши голову и не шевелясь.

«Что жъ ты»! закричала она ему, «развѣ не слышалъ, мать

звала насъ купаться, всѣ ужъ въ водѣ, отчего ты нейдешь»?

«Ахъ, оставь, пожалуста, здѣсь такая славная трава, я такъ наѣлся, что мнѣ не хочется двигаться»!

«Да полно, пройдись немного, вѣдь это вредно все сидѣть на мѣстѣ, не двигаясь, ты право лопнешь отъ жиру»!

«Ужъ скорѣй можно лопнуть съ досады, что у меня такая несносная сестра, отъ которой нѣтъ ни минуты покоя».

Уточка собиралась что то отвѣтить на эти неласковыя слова, но вдругъ она вздрогнула. На землѣ легла страшная черная тѣнь, это навѣрно летитъ коршунъ, который унесетъ кого-нибудь изъ нихъ!

«Братецъ, голубчикъ», закричала она, «бросайся скорѣй въ кусты, коршунъ, онъ насъ съѣстъ»! и сама она быстро впорхнула въ кусты.

Утенокъ до того перепугался, что забылъ всю свою лѣнь и, съ трудомъ переваливаясь съ ноги на ногу, доползъ до кустовъ. Коршунъ пролетѣлъ мимо и не досталъ утятъ.

«Вотъ видишь, какъ дурно оставаться одному», сказала уточка брату, «не будь меня, коршунъ навѣрное бы утащилъ тебя»!

«Да, пожалуй что такъ», согласился утенокъ, «ухъ какъ я напугался, и зачѣмъ это водятся на свѣтѣ такія гадкія птицы»!

На этотъ разъ онъ не смѣлъ больше оставаться одинъ на берегу, и хотя съ неудовольствіемъ, но пошелъ за сестрой въ воду, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала ихъ мать, видѣвшая коршуна и очень безпокоившаяся о своихъ дѣтяхъ.

Такимъ образомъ, благодаря своей сестрицѣ, нашъ утенокъ спасся отъ большой бѣды, въ которую чуть не попалъ изъ за своей жадности. Но не думайте, чтобы это послужило ему урокомъ. Нисколько! Онъ и послѣ того продолжалъ по прежнему наѣдаться до того, что не могъ двигаться, и первымъ бросаться на всякій кормъ. Иногда ему ужъ совсѣмъ не шла пища въ горло, но тогда онъ не любилъ, чтобы и другіе ѣли и злобно отгонялъ своихъ братьевъ отъ ѣды. Дѣвочки стали замѣчать, что любимецъ ихъ дѣлается какъ то непомѣрно толстъ и неуклюжъ, но это нисколько не мѣшало имъ по прежнему любить и баловать его. Ихъ смѣшила его неуклюжесть и неповоротливость, видя, что онъ не можетъ бѣгать за пищей, какъ другіе, онѣ сами подносили ее ему и угощали его.

Разъ къ матери дѣвочки въ красномъ сарафанѣ пріѣхалъ изъ города богатый баринъ по дѣлу. Нужно было угостить его хорошимъ обѣдомъ, а въ домѣ то не случилось никакой провизіи. Что тутъ дѣлать? пошла мать на берегъ ручья, гдѣ плавали утки. Толстый утенокъ тутъ какъ тутъ, сидитъ у самаго берега да подремываетъ.

Она взяла его на руки.

«Господи, какой толстякъ», вскричала она. «А я еще грустила, что у меня нѣтъ жаркаго! Да чего же лучше! Этакого жирнаго утенка всякій гость съ удовольствіемъ съѣстъ».

И она понесла несчастнаго толстяка домой, не смотря на отчаянные крики старой утки, которая, предвидя, что сыну ея готовится бѣда, забыла всѣ его недостатки и только думала, какъ бы спасти его.

Что сдѣлали съ утенкомъ, вы вѣроятно легко отгадаете? За обѣдомъ гость подхваливалъ вкусное жаркое, но дѣвочка въ красномъ сарафанчикѣ не могла съѣсть ни куска. При гостѣ она стыдилась плакать, но когда онъ уѣхалъ, она со слезами спросила у матери, зачѣмъ та зажарила ея любимца.

Зачѣмъ же ты такъ откормила его? отвѣчала мать. Будь онъ потоще, я бы ни за что не взяла его. А такой толстякъ только и годился, что на жаркое.

Съ англійскаго.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

Какъ Поля не взлюбила дѣвочку въ коричневомъ платьѣ.

«Тише»! говорила Поля, входя на цыпочкахъ въ переднюю, гдѣ стояли двѣ маленькія фигурки, окутанныя въ шали и бурнусы; «не шумите, пожалуйста, потому что мама больна; но я такъ рада вашему приходу! Въ дѣтской такъ весело горитъ печка и мы будемъ совершенно одни; ну, пойдемъ». И взявъ за руки своихъ гостей, Поля поспѣшила съ ними въ дѣтскую.

Въ дѣтской у затопленной печки, сидѣло еще трое дѣтей, и пока няня раздѣвала пришедшихъ, Поля начала представлять ихъ другъ другу.

— Эта маленькая дѣвочка,—сказала она, указывая на одну—Маша Бершова; а этотъ мальчикъ, пришедшій съ нею—ея братъ, Яша; они живутъ вонъ въ томъ домѣ.

— Домъ этотъ я знаю очень хорошо,—отвѣчалъ одинъ мальчикъ, сидѣвшій на ящикѣ, какъ разъ противъ огня;—во дворѣ его есть прудъ съ островкомъ по серединѣ; возвращаясь домой изъ гимназіи, я часто останавливался у воротъ и смотрѣлъ на него.

— Да, это тотъ самый,—сказалъ Яша,—я даже видѣлъ васъ.

— А теперь, Маша,—сказала Поля,—я васъ познакомлю со всѣми. Эту дѣвочку въ красномъ платьѣ—зовутъ Фанни; моя мама, хорошо знакома съ ея родителями, которые очень богаты. А мальчика, смотрѣвшаго въ ваши ворота, зовутъ Коля; онъ ходитъ въ гимназію. А вотъ Саша Гринева, она дочь той дамы, которая недавно переѣхала въ нашъ городъ. Папа еще давно

знала ея отца, и мы пригласили ее прійти въ день моего рожденія. Всѣ дѣти встали и поздоровались между собой, послѣ чего произошло нѣкоторое замѣшательство по поводу мѣстъ; наконецъ всѣ очень удобно размѣстились на трехъ маленькихъ стульяхъ, одной скамейкѣ и на старомъ ящикѣ, а Поля, какъ вѣжливая хозяйка, скромно удовольствовалась кукольнымъ комодомъ.

— Ничего нѣтъ удобнѣе моего кресла, сказала она, усаживаясь на комодѣ посреди своихъ гостей. Ну, что же мы будемъ дѣлать! Мы не можемъ играть ни въ какую шумную игру, по случаю болѣзни мамы. Утромъ мы думали отказывать всѣмъ, но мама послѣ сказала, чтобъ мы не дѣлали этого, потому что для всѣхъ васъ будетъ затрудднительно собраться въ другой разъ, а я очень обрадовалась, потому что мнѣ сильно хотѣлось видѣть васъ всѣхъ у себя сегодня вечеромъ. Но, однако, во что же мы будемъ играть?

— Будемъ разсказывать исторіи, предложила Маша.

— Мы должны разсказывать свои исторіи, нами самыми придуманныя? спросила Поля. Ну, я навѣрно не съумѣю, потому что всегда удивлялась, какъ другіе могутъ сочинять; а все, что есть въ моихъ книжкахъ, я думаю вы сами читали.

— Нѣтъ, пусть каждый изъ насъ разскажетъ что нибудь о себѣ, сказала Фанни. Къ намъ часто приходитъ одна дама, ея фамилія Егорова, она часто разсказываетъ о себѣ, и вы не можете себѣ представить, какъ это интересно. Я часто сажусь съ книгой, когда она разсказываетъ что нибудь мамѣ; онѣ думаютъ, что я читаю, а я слушаю все.

— Такъ не можете ли вы повторить намъ одинъ изъ ея разсказовъ? предложила Поля.

«Хорошо, но я не могу вспомнить всего, сказала Фанни; я знаю, что съ ней очень дурно обошлась жена ея брата; что кто-то другой обманулъ ее въ денежныхъ расчетахъ; что многіе любили ее и были къ ней очень добры; вотъ и все, что я могу вспомнить теперь.

— Я не могу назвать это разсказомъ, потому что въ немъ нѣтъ ни начала, ни конца, сказалъ Коля.

«Ну, такъ разскажите намъ настоящую исторію, отвѣчала Фанни.

— Можетъ быть потомъ я разскажу вамъ кое-что, но прежде мнѣ надо хорошенько обдумать, отвѣчалъ Коля.

«Если вы хотите разсказывать о какомъ нибудь дѣйствительномъ происшествіи, то и я могу вамъ кое что разсказать о Серафимѣ Ивановой, бывшей въ нашей школѣ, хотя это скорѣе печальная исторія, и я не люблю о ней вспоминать, сказала Поля.

— Ну, ну, разскажите, попросила Маша.

«Съ удовольствіемъ, если вы желаете, отвѣчала Поля; всѣ усѣлись и приготовились слушать. Вы знаете, Маша, начала Поля, что я поступила въ пансіонъ М-me Миллеръ, послѣ прошлаго Рождества, и хотя первые два, три дня я чувствовала себя не совсѣмъ ловко въ такомъ большомъ обществѣ, однако скоро привыкла и сошлась со всѣми дѣвочками, а на третій же день подружилась съ Лизой Кузьминой, и была совершенно счастлива, чувствуя себя совсѣмъ, какъ дома. Въ одинъ день, вскорѣ послѣ Пасхи, Лиза, игравшая на фортепіано въ комнатѣ М-me Миллеръ, прибѣжала въ садъ, гдѣ мы всѣ играли и сказала: сказать вамъ новость, дѣвицы, привели новенькую! Я видѣла ее. Она теперь въ комнатѣ у М-me Миллеръ. Какая то дама ее привела. И такая смѣшная дѣвочка, какой вамъ вѣрно никогда не случалось видѣть.

Конечно, мы всѣ стали спрашивать какова она собой.

— Маленькая, худощавая, съ плаксивой рожицей, въ свѣтло-коричневомъ длинномъ платьѣ, разсказывала Лиза; у нея русые локоны, похожіе на деревянныя стружки.

«Ну, я навѣрное не буду любить ее, сказала я сейчасъ же, и всѣ дѣвочки повторили то-же.

— Постойте на минуту, прервалъ Коля, вы сказали, что у нея были деревянныя стружки въ волосахъ?

«Какіе пустяки! воскликнула Поля, я хотѣла только сказать, что ея волосы вились, какъ деревянныя стружки; вы вѣрно не разъ видали такіе локоны; у нѣкоторыхъ дѣтей волоса такъ вьются, какъ будто они завиты.

Почти за Лизою въ садъ вошла Г-жи Миллеръ и привела съ собой новенькую. Она дѣйствительно была на видъ самой странной дѣвочкой, какую когда либо мнѣ случалось видѣть. Она была одѣта въ длинное, узкое коричневое платье, съ

короткими рукавами; ея длинныя голыя руки были очень красны и худы.

«Я ненавижу эту дѣвочку, сказала я Лизѣ, гуляя съ ней по дорожкѣ, не будемъ играть и разговаривать съ ней.

И мы убѣжали на другой конецъ сада и стали рыться въ своемъ цвѣтникѣ. Мы провозились тамъ, пока не позвонили къ обѣду. Когда мы бѣжали домой, то увидѣли, что новенькая стоитъ одна, посреди дорожки, и читаетъ маленькую желтую книгу. Увидя насъ, она спрятала книжку въ синюю шелковую сумку, которую держала въ рукахъ. Какъ разъ въ это время къ ней подошла классная дама и сказала: «Пойдемъ, Иванова, обѣдъ готовъ».

— Благодарю васъ, отвѣчала она, мнѣ не хочется ѣсть, и если вы позволите, то я лучше останусь въ саду.

«Ну не противная ли дѣвочка? сказала Лиза, когда мы бѣжали къ дому.

— Конечно, противная, отвѣчала я. И говоритъ-то она, точно учитель. И какое отвратительное имя—Серафима! Вѣрно ее дома называли Финой.

«Я очень боюсь, продолжала Лиза, что ее положатъ въ нашу спальню. Вѣдь кровать Любы не занята.

Иванова не приходила обѣдать и мы не видали ее до начала уроковъ; когда же пришла въ классъ и сѣла около меня, я замѣтила, что она плакала, и хотя это было очень дурно съ моей стороны, но я старалась держаться отъ нея какъ можно по дальше, потому что она казалась мнѣ такой безобразной съ своими красными руками, смѣшными локонами и длиннымъ платьемъ; но вы и представить себѣ не можете, какъ я жалѣю теперь объ этомъ. Когда учительница стала намъ диктовать по французски, я видѣла, что Иванова не написала ни слова, конечно по непривычкѣ къ такой быстрой диктовкѣ. Я тоже не понимала ничего, когда поступила въ пансіонъ; но Лиза всегда садилась около меня и показывала каждое написанное слово, или повторяла его потихоньку и, такимъ образомъ, я поспѣвала за другими. Но я такъ не взлюбила Иванову, что не обращала на нее никакого вниманія, хотя видѣла, что она ничего не понимаетъ.

Когда диктовка кончилась, учительница начала поправлять

ошибки; взявъ доску Ивановой, она воскликнула: Какъ, вы ничего не написали; что же вы намѣрены дѣлать здѣсь?

— Вы такъ быстро диктуете, что я ничего не поняла, отвѣчала Иванова.

«Вы не можете понять, какъ я читаю, а сами говорили мнѣ, что вы два года учились по французски! Кто васъ училъ? Какой нибудь безтолковый учитель?

— Меня училъ совсѣмъ не безтолковый, но очень умный и добрый человѣкъ, твердо отвѣчала Иванова.

«О, не должно браться учить тому, чего самъ не знаешь, возразила учительница, качая головой.

— Можетъ быть я была такъ непонятлива, что не могла лучше выучиться, сказала Иванова, но увѣряю васъ, что въ этомъ не виноватъ мой учитель и я прошу васъ не бранить его, мой бѣдный отецъ, такъ много трудился со мною,—и Иванова снова заплакала.

«Что же это такое? кричала француженка, вы думаете, что я не знаю по французски? Отправляйтесь-ка въ вашу комнату, сударыня. Я не могу простить такую дерзость.

И такъ бѣдная Иванова не понравилась и учителямъ, какъ и ученицамъ; однако, я увѣрена, что она очень прилежно учила свои уроки, но у ней не было друга, который бы ей разсказалъ и показалъ, какъ надо приняться за дѣло. И къ тому же она не хотѣла перемѣнить ни платья, ни прически, потому, говорила она, что ей хотѣлось быть такъ же одѣтой, какъ она ходила дома.

— И по праздникамъ она носила свое ужасное платье? вмѣшалась Фанни.

«Нѣтъ, отвѣчала Поля, у нея было еще старое черное шелковое платье, которое она надѣвала по воскресеньямъ; и, знаете ли, въ немъ не всѣ полотнища были изъ одинаковой матеріи; и когда одна изъ дѣвочекъ, сказала ей это, то она отвѣтила: «Очень можетъ быть, потому что оно сдѣлано изъ различныхъ кусковъ».

— Изъ разныхъ кусковъ, воскликнула Маша.

«Да, отвѣчала Поля? Всѣ дѣвицы говорили, что ея отецъ должно быть старьевщикъ, но наша классная дама сказала, что онъ учитель.

— Ну, не въ этомъ дѣло, сказалъ Коля. А лучше скажите намъ очень ли дурно дѣвочки обходились съ ней, Поля?

«Мы привыкли ее страшно мучить, особенно я и Лиза, продолжала Поля. Но я не могу теперь вспомнить объ этомъ. Одно происшествіе я должна разсказать, потому что это составляетъ часть моей исторіи. Я разсказывала вамъ, какъ въ первый день ея пріѣзда, мы застали ее въ саду, за чтеніемъ желтой книги. Она никогда не разставалась съ этой книгой, клала ее на ночь себѣ подъ подушку, и каждое утро и вечеръ, вставая и ложась, она читала ее. Какъ-то разъ, мы спросили ее объ этой книжкѣ, но она ничего не отвѣчала намъ и спрятала ее сейчасъ же въ карманъ. Отказъ возбудилъ въ насъ желаніе посмотрѣть на книгу, и мы съ Лизой долго составляли планы, какъ овладѣть ею. Разъ въ классѣ Лиза сидѣла около Ивановой, и взглянувъ украдкой на карманъ коричневаго платья, увидѣла, что изъ него торчитъ уголъ желтой книжки. Наклонившись впередъ, она потихоньку вытащила книгу изъ кармана Ивановой и положила въ свой. Со стороны Лизы это было очень дурно, и я знаю, что она объ этомъ до сихъ поръ не перестала раскаяваться.

Когда мы вышли изъ класса въ садъ, Лиза отозвала меня въ самый далекій уголъ и показала книгу. Это было самое обыкновенное Евангеліе, не дороже двадцати пяти копѣекъ, я думаю, на первой страничкѣ котораго было написано: «Моей дорогой дѣвочкѣ въ день ея рожденія, отъ любящаго ее отца Якова Иванова»; а внизу было тщательно подписано: «Послѣдній подарокъ, сдѣланный мнѣ моимъ дорогимъ папа передъ его болѣзнью».

— Что же мы сдѣлаемъ съ этой книгой? спросила я у Лизы, когда мы разсмотрѣли Евангеліе со всѣхъ сторонъ.

«Мы спрячемъ ее въ старое дерево, куда ты прятала свою французскую книгу, сказала Лиза, и когда Иванова начнетъ считать ее совсѣмъ потерянной, мы найдемъ ее опять.

Я согласилась; мы положили книгу въ дупло стараго дерева и не сказали никому ни слова объ этомъ.

Бѣдная Иванова была въ отчаяніи, считая свою книгу потерянной. Она бѣгала и искала ее въ каждомъ уголкѣ, въ каждой щели; а мы съ Лизой еще иногда говорили ей: «Если бы

мы были на вашемъ мѣстѣ, мы кое гдѣ поискали бы вашу книгу». А она послѣ этихъ словъ снова начинала свои поиски.

Въ одну ночь,—о, это такъ грустно вспоминать!—мы услышали, что она плакала и говорила: «Папа, папа, какъ я желала-бы, чтобъ ты воротился къ твоей бѣдной Серафимѣ».

— Утромъ, первымъ моимъ дѣломъ будетъ отдать ей ея книжку, шепнула мнѣ Лиза. Еще до звонка я побѣгу въ садъ и принесу ее.

Утромъ, однако, она не проснулась такъ рано, какъ желала; мы встали въ обыкновенное время, но шелъ сильный дождь.

— Ну, нечего дѣлать, сказала Лиза, подождемъ до рекреаціи, можетъ и прояснится погода.

Но погода не прояснилась; и намъ не позволили пойти въ садъ. Иванова продолжала искать книгу, хотя она прежде нѣсколько разъ и повторяла, что, должно быть, выронила книгу на улицѣ и никогда ее не найдетъ.

У насъ только что начался послѣобѣденный урокъ, какъ въ классъ вошла служанка и сказала, что начальница зоветъ Иванову въ гостинную. Чрезъ четверть часа, классная дама послала меня играть на фортепіано; проходя по корридору, я увидѣла, что служанка несетъ съ лѣстницы вещи Ивановой.

— Что это значитъ, Анна? спросила я, развѣ кто нибудь уѣзжаетъ?

«Да, барышня, за Серафимой Ивановой пріѣхалъ какой-то господинъ, отвѣчала она.

Я перегнулась чрезъ перилы лѣстницы и увидала въ передней Иванову въ кофточкѣ и шляпкѣ. Г-жа Миллеръ прощалась съ ней, а она сильно плакала; но посреди рыданій я услышала ея голосъ: «прошу васъ, передайте имъ всѣмъ мой поклонъ и позвольте Аннѣ купить для нихъ пирогъ отъ меня». При этомъ она положила нѣсколько монетъ въ руку начальницы и прибавила: «Я знаю, что онѣ всегда очень радуются, когда у нихъ пирогъ за чаемъ».

Сказавъ это, она скрылась за дверью, и я услышала шумъ отъѣзжающаго экипажа; съ тѣхъ поръ мы никогда ее больше не видали.

За вечернимъ чаемъ на столѣ стоялъ большой пирогъ и Г-жа Миллеръ, сказала намъ: «Я увѣрена, что вы всѣ будете

очень опечалены, услышавъ какое ужасное несчастіе поразило Серафиму Иванову. Она получила извѣстіе о смерти своего отца, который былъ ея единственный родственникъ, остававшійся въ живыхъ, онъ самъ училъ ее и былъ всѣмъ для нея до послѣдняго времени, когда онъ заболѣлъ и принужденъ былъ оставить свое мѣсто. Иванова просила меня передать всѣмъ ея подругамъ поклонъ и просила васъ принять отъ нея этотъ пирогъ».

Лиза и я переглянулись между собою, и увѣряю васъ, что мы ломали себѣ руки, чтобъ удержаться и не заплакать. Что же касается до пирога, то мы обѣ чувствовали, что не будемъ въ состояніи дотронуться до него, и оставили наши куски на тарелкахъ.

Вечеромъ, когда мы пришли ложиться спать и увидали пустую кровать бѣдной Серафимы, вспомнили о ея горѣ и о нашей жестокости къ ней, то пришли въ такое отчаяніе, что не знали, что съ собой дѣлать; и мы отняли у нея маленькую желтую книжечку, послѣдній подарокъ ея бѣднаго отца!.. Тутъ Поля не могла удержаться, вынула платокъ изъ кармана и утерла слезы.

— Нашли-ли вы книгу? спросила Маша.

«Нѣтъ, отвѣчала Поля грустнымъ голосомъ, и это хуже всего.

Утромъ, на другой день, мы пошли за ней и хотѣли просить Г-жу Миллеръ отослать ее Ивановой. Но книга вся размокла отъ дождя и развалилась на куски, когда мы дотронулись до нея.

Единственная надежда оставалась у насъ, что Иванова вернется къ намъ въ слѣдующее полугодіе, но когда послѣ каникулъ мы спросили объ ней, то классная дама сказала намъ, что Иванова уѣхала совсѣмъ, и никто даже не знаетъ, гдѣ она. И такъ мы никогда не могли разсказать ей, какъ горевали объ ней, и попытаться добротой загладить хоть сколько нибудь свою вину предъ ней. О никогда, никогда, заключила Поля, я не буду не любить людей за то только, что у нихъ дурно сшито платье и некрасивая прическа! Лиза говоритъ тоже самое.

II.

Какъ Яша плавалъ въ корытѣ и потерпѣлъ крушеніе у одного необитаемаго острова.

— Ну, теперь, сказала Поля, пряча платокъ въ карманъ, я окончила мою исторію; кто будетъ расказывать слѣдующую? Хотите, Коля?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коля, я еще недостаточно обдумалъ; нужно довольно времени, чтобы припомнить подробно какое нибудь происшествіе. Иное случилось слишкомъ давно, иное припоминается не достаточно ясно.

— Ну, Саша, предложила Поля; вы наша новая знакомая, и можете разсказать что нибудь свѣженькое. Хотите начать?

— Не заставляйте меня, пожалуйста, возразила Саша застѣнчиво, когда вы всѣ разскажете, тогда и я можетъ что нибудь придумаю.

— Ну, такъ вы, Яша, непремѣнно должны, сказала Поля рѣшительно.

— Видите, отвѣчалъ Яша, потирая руки, я многое могъ бы разсказать, но что именно выбрать, вотъ въ чемъ затрудненіе.

— Разскажи о своемъ путешествіи, предложила его сестра Маша, я увѣрена, что это всѣмъ понравится.

— Если хотите, то это мнѣ ничего не стоитъ, но это была просто неудачная игра, сказалъ Яша. Вы знаете, что въ нашемъ саду есть прудъ съ островкомъ посрединѣ?

— Да, знаю, отвѣчалъ Коля, я много разъ смотрѣлъ на него и даже видѣлъ тамъ лебедей. Я думаю, они и до сихъ поръ вьютъ на немъ гнѣзда.

— Да, они дѣйствительно вили на островкѣ гнѣзда, когда мы вздумали поѣхать туда. Ну, въ прошлую весну, началъ Яша, нашъ двоюродный братъ Ваня пріѣхалъ погостить у насъ на Пасху. Вы знаете, что онъ всего на семь недѣль старше меня; день его рожденія 1 іюля, а мой—19 августа.

— Что же изъ этого слѣдуетъ спросилъ Коля.

— Не прерывайте меня, возразилъ Яша, или я никогда не разскажу моей исторіи. Ваня всегда говорилъ, что было бы очень весело играть на островкѣ въ Робинзона Крузе; кромѣ того мы

могли бы еще тамъ насобирать птичьихъ яицъ. Мы придумывали различные способы, какъ добраться до островка. Вы видѣли, у насъ на прудѣ нѣтъ лодки, мама все боится, что мы опрокинемся и утонемъ, и потому мы придумали, нельзя-ли переплыть прудъ въ корытѣ. Всѣ корыта прятались въ прачешной за дворомъ; между ними были продолговатыя, очень похожія на лодки. Ваня все увѣрялъ, что они могутъ плавать по водѣ, какъ утки; все затрудненіе состояло въ томъ, чтобъ добыть корыто изъ прачешной и спустить его на прудъ, такъ чтобъ никто изъ слугъ не увидалъ насъ.

Мы много думали и, наконецъ, рѣшили, что самое лучшее будетъ, встать завтра утромъ пораньше, спуститься во дворъ изъ окна классной, вынести корыто изъ прачешной, донести до пруда, спустить на воду и такъ прикрыть тростникомъ, чтобъ его никто не примѣтилъ.

На слѣдующее утро, только что стало разсвѣтать, Ваня вошелъ въ мою комнату, началъ трясти меня и звать шопотомъ: «Вставай, Пятница, вставай, лѣнивый дикарь».

Тогда я вскочилъ, одѣлся, какъ только могъ скорѣе, мы тихо спустились съ лѣстницы и выскочили изъ окна классной во дворъ.

Когда мы вошли въ прачешную, Ваня началъ выбирать крѣпкое корыто, наконецъ выбралъ одно и мы понесли его къ пруду.

— Теперь, сказалъ Ваня, мы должны достать попугая, кошку, изюму, сухарей и какое нибудь теплое платье.

— Не лучше ли намъ позавтракать прежде, предложилъ я, потому что я уже голоденъ, а когда мы будемъ на островѣ, то не услышимъ звонка и голодъ заставитъ насъ воротиться назадъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Ваня, если хочешь, то можно.

И такъ мы вернулись домой и подождали завтрака.

Послѣ завтрака, Ваня велѣлъ мнѣ достать попугая, пока онъ словитъ кошку; а потомъ я долженъ былъ достать у кухарки сухарей и изюму, а онъ сходитъ за своимъ дорожнымъ пледомъ, который долженъ былъ замѣнить мѣховое платье.

Попугай принадлежалъ нашей старшей сестрѣ Катѣ; она имъ очень дорожила, такъ какъ это былъ подарокъ отца.

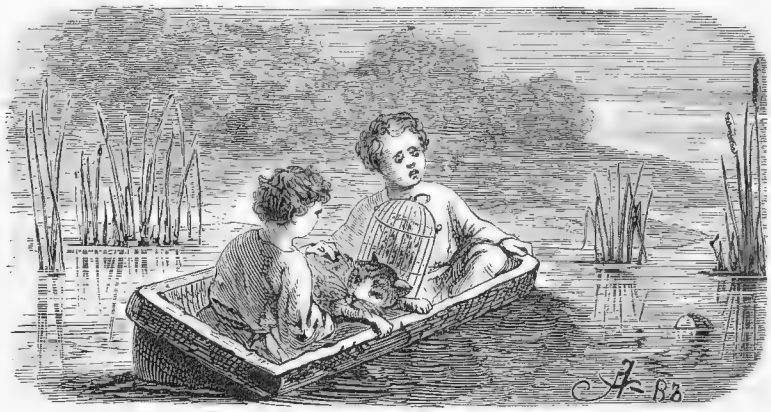
Я зналъ, что напрасно буду просить Катю дать намъ

попугая, поэтому я проскользнулъ въ столовую, пока сестра была наверху, и унесъ попку. Въ буфетѣ лежало нѣсколько мопхъ пряниковъ, я ихъ купилъ на деньги, подаренныя мнѣ тетей, только мама не позволила мнѣ съѣсть всѣ пряники разомъ, и я ихъ спряталъ въ буфетъ. Въ нихъ былъ и изюмъ; я подумалъ, что гораздо удобнѣе взять ихъ, чѣмъ просить у кухарки сухарей и изюма, которыхъ она, пожалуй, и не дастъ. И наконецъ, вѣдь это были мои собственные пряники.

— Конечно, подтвердили всѣ дѣти.

Ну, я съ пряниками и попугаемъ, бѣгомъ пустился къ пруду, гдѣ засталъ Ваню, укутаннаго въ пледъ, съ нашимъ старымъ Васькой на рукахъ, который барахтался и мяукалъ во всю мочь. Намъ надо было очень осторожно войти въ лодку, потому что ей легко было опрокинуться; но наконецъ, какъ Ваня сказалъ,—мы удержались въ равновѣсіи, онъ большимъ шестомъ оттолкнулъ корыто отъ берега и мы поплыли совершенно, какъ въ лодкѣ.

— Какъ это было весело! воскликнула Поля.



— Ну, не совсѣмъ то, отвѣчалъ Яша, потому что когда Ваня оттолкнулъ корыто, оно закачалось, какъ люлька, это не понравилось коту и онъ попытался выпрыгнуть на берегъ, попугай началъ тоже громко пищать.

Но наконецъ мы доплыли до острова, Ваня причалилъ корыто къ берегу и самъ соскочилъ на землю. Я стоялъ въ корытѣ и подавалъ ему вещи, а онъ держалъ попугая; только что я хотѣлъ взять кота, какъ глупое животное прыгнуло и попало прямо въ воду. Я очень испугался, чтобъ котъ не утонулъ и

только нагнулся, чтобъ достать его, какъ корыто опрокинулось и я самъ очутился бы въ водѣ, еслибъ Ваня не поддержалъ меня и не помогъ вскарабкаться на берегъ.

— Ну, не бѣда, сказалъ Ваня, когда я сталъ на ноги.

Я думалъ то же самое, но что же случилось? Корыто пошло ко дну, такъ что не видно было изъ воды ни краюшка.

— А что же сталось съ кошкой? спросилъ Коля.

— Да ничего, отвѣчалъ Яша, она плавала по водѣ и не думала тонуть; а когда начала карабкаться на берегъ, мы протянули ей шестъ и она благополучно вылѣзла изъ воды на землю; но она была такая мокрая и грязная, что вы бы не узнали въ ней кошку.

— Что же вы сами дѣлали? спросила Поля, я думаю, вы страшно испугались?

— Ваня говорилъ, что все идетъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ Яша, потому что теперь мы въ самомъ дѣлѣ потерпѣли кораблекрушеніе и попали на необитаемый островъ. А когда я его спросилъ, какъ мы доберемся назадъ, то онъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, насъ освободятъ, но теперь надо хорошенько обдумать, какъ бы лучше прожить здѣсь, полагая, что мы на островѣ останемся нѣсколько сутокъ».

— Нѣсколько сутокъ? вскричалъ я. Не думаю, чтобы мы могли прожить здѣсь нѣсколько дней безъ пищи и безъ жилья?

— Очень возможно, отвѣчалъ Ваня, и поэтому мы должны осмотрѣть и распредѣлить наши запасы. Сухари, принесенные тобой, нужно раздѣлить на пять частей, каждый день мы будемъ съѣдать одну часть, по крайней мѣрѣ, мы будемъ увѣрены, что нашихъ запасовъ намъ станетъ хоть на пять дней. Потомъ у насъ остаются еще кошка и попугай, къ счастью мы спасли Ваську; но намъ лучше начать съ попугая, потому что уроженцы тропическихъ странъ считаютъ попугая деликатнымъ кушаньемъ, а путешественники говорятъ, что жаркое изъ него лучше жареной курицы. Ваня, я знаю, говорилъ все это по книгамъ.

— Я увѣренъ, что Катя будетъ страшно разсержена, если мы съѣдимъ ея попку. Да къ тому же вѣдь не можемъ мы его съѣсть сырымъ, а какъ его сжарить?

— Разумѣется на огнѣ, а то какъ-же? отвѣчалъ Ваня.

— Да какъ же мы разведемъ огонь безъ спичекъ?

— Развѣ ты не знаешь, что уроженцы тропическихъ странъ добываютъ огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева? отвѣчалъ Ваня; это и мы должны сдѣлать; ну, теперь надо раздѣлить сухари на пять частей, какъ я сказалъ; въ полдень (мы узнаемъ полдень по солнцу) мы вмѣстѣ съѣдимъ одну изъ этихъ порцій, а на заходѣ солнца, если помощь не подоспѣетъ, мы убьемъ попугая, ощиплемъ и сжаримъ его на огнѣ; часть жаркаго мы съѣдимъ на ужинъ и бережно сохранимъ остальное для слѣдующаго дня. А когда покончимъ съ попугаемъ, то примемся за кота; кошки очень хорошая пища, ихъ мясо можно принять за заячье. Ну, теперь осмотримъ нашъ запасъ сухарей.

— Мнѣ очень жаль, Ваня, сказалъ я, но я зналъ, что у кухарки безполезно было просить сухарей, поэтому я принесъ свой пряникъ, который я купилъ на дняхъ, когда мы возвращались изъ лавокъ.

— Ты виноватъ, отвѣчалъ Ваня, потому, что ты мой Пятница, и если я тебѣ приказалъ, то ты долженъ былъ достать сухарей; да къ тому же развѣ пряники ѣдятъ на необитаемыхъ островахъ? Впрочемъ они вкуснѣе сухарей и надѣюсь, что хорошо замѣнятъ ихъ.

Я показалъ Ванѣ пряникъ, онъ вытащилъ ножъ, тщательно раздѣлилъ имъ пряникъ и потомъ разрѣзалъ его на пять частей. Я испугался увидѣвъ ужасно маленькіе кусочки. Послѣ этого Ваня сказалъ: «Ну, помни Яша, что мы должны строго держаться нашего плана, иначе мы не останемся въ живыхъ, когда подоспѣетъ помощь». Видно было, что Ваня много читалъ о помощи.

Потомъ мы стали лазить по деревьямъ за птичьими гнѣздами, но Ваня не позволялъ мнѣ бить яицъ, увѣряя, что, если помощь замедлитъ, то мы должны будемъ прожить два или три дня, питаясь этими яйцами. Вы себѣ и представить не можете, какъ я желалъ, чтобы насъ кто нибудь отъискалъ прежде, чѣмъ мы начнемъ кушать яйца. Когда мы спустились съ дерева, Ваня снялъ свой пледъ и сдѣлалъ изъ него маленькую палатку, мы вползли въ нее, втащили туда пряникъ и попугая, и хотѣли поймать кота, да онъ не дался намъ.

Ваня выходилъ два или три раза смотрѣть, было ли солнце надъ нашими головами, потому что тогда мы могли съѣсть кусочекъ пряника, наконецъ онъ сказалъ: «Теперь какъ разъ полдень и мы можемъ начать нашъ обѣдъ».

Я очень былъ радъ слышать это, потому что былъ ужасно голоденъ. Ваня взялъ кусочекъ пряника, переломилъ его пополамъ, съѣлъ самъ половину и мнѣ далъ другую. Когда я покончилъ съ ней, мнѣ захотѣлось еще чего нибудь, но я не хотѣлъ этого говорить, боясь, что наша провизія истощится и мы принуждены будемъ убить попугая, а Катя будетъ такъ огорчена. Но Коля сказалъ: «Насъ навѣрно будутъ искать, когда увидятъ, что мы не пришли къ обѣду, и хотя насъ, конечно, не съ разу найдутъ, но все же, я думаю, мы можемъ съѣсть еще кусокъ пряника», что мы и сдѣлали немедленно.

Послѣ полудня мы играли въ охоту и Ваня пытался убить камнемъ какую нибудь птичку, чтобъ прибавить ее къ нашимъ запасамъ; онъ и убилъ зяблика, который однако не достался намъ, а упалъ въ прудъ. Два или три раза намъ показалось, что голоса людей звали насъ и мы откликнулись, какъ могли громко, но они не слыхали насъ; мы видали нашего ста-

раго служителя, ходившаго между деревьями и осматривавшаго берегъ, мы подумали, что онъ ищетъ насъ и громко звали его, но онъ даже не повернулся въ ту сторону, гдѣ былъ островъ, такъ какъ никому и въ голову не приходило, что мы могли попасть туда безъ лодки. Наконецъ я замѣтилъ, что солнце начинаетъ садиться и очень боялся, чтобъ Ваня не убилъ попугая, потому что онъ только и оставилъ его до захода солнца; дѣйствительно, прежде, чѣмъ совсѣмъ стемнѣло, онъ вытащилъ свой новый ножъ и сказалъ: «думаю, что намъ пора приготовлять ужинъ, я страшно голоденъ и увѣренъ, что крыло или ножка жаренаго попугая покажутся мнѣ вкуснымп».

— Не будетъ ли лучше сначала развесть огонь! предложилъ я, потому что безполезно убивать попугая, если мы не будемъ въ состояніи сжарить его.

Тогда мы собрали цѣлую кучу сухихъ листьевъ и вѣтвей и устроили костеръ: «Теперь,» сказалъ я Вани, «остается только зажечь его».

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, только приготовь попугая, чтобъ сейчасъ свернуть ему шею, какъ дрова разгорятся, иначе весь костеръ сгоритъ прежде, чѣмъ онъ сжарится.

Я принесъ клѣтку съ попугаемъ и поставилъ ее у костра, пока Ваня обчищалъ двѣ сухихъ палки и принялся тереть ихъ другъ объ друга. Но онъ теръ, теръ, ужъ я не могу и сказать какъ долго, но ни одна искра не показывалась. Наконецъ онъ сказалъ: «Это не то, Яша, я думаю, что жители тропическихъ странъ употребляютъ особый родъ дерева, называемаго огненнымъ; наши обыкновенныя дерева не могутъ замѣнить его. Мы лучше сдѣлаемъ, если возьмемъ еще кусокъ пряника».

Мы снова вползли въ палатку и вынесли оттуда пряникъ. Его оставалось три куска, такъ какъ два мы съѣли въ полдень. Мы раздѣлили одинъ кусокъ пополамъ и когда съѣли его, Ваня взялъ остальные два куска и сказалъ: «я увѣренъ, что не доживу до утра, если не съѣмъ другаго куска, Яша, а для насъ не будетъ никакой пользы, если прійдутъ и найдутъ насъ умершими съ голоду, а два куска пряника будутъ лежать около нашихъ тѣлъ». Поэтому, Ваня отдалъ мнѣ одинъ кусокъ, а себѣ взялъ другой и мы съѣли ихъ. Покончивъ съ пряникомъ, мы начали разсуждать, что мы будемъ дѣлать, если останемся на

островѣ пять дней. Ваня началъ разсказывать ужасныя исторіи о морякахъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Начало темнѣть, и я увѣренъ, что мы оба жалѣли въ душѣ, зачѣмъ пріѣхали сюда. Мнѣ

стало казаться, что мы поступили очень дурно, хотя прежде я и не думалъ объ этомъ. Становилось все темнѣе и темнѣе, мы страшно озябли, и я думаю, что Ваня трусилъ также, какъ и я, хотя старался не показывать этого.

— И вы оставались въ потьмахъ цѣлую ночь? спросила Поля.

— Да, отвѣчалъ Яша, тогда ужъ намъ было не до шутокъ, увѣряю васъ, потому что до тѣхъ поръ я никогда не былъ такъ несчастливъ. Наконецъ, я кажется заснулъ, потому что не помню, какъ разсвѣло и знаю только, что Ваня дернулъ меня за ногу и закричалъ: «Кажется, Яша, на той сторонѣ есть люди съ лодкой, пойдемъ и помоги мнѣ показаться имъ.

Я вскочилъ, выползъ изъ палатки, какъ разъ разсвѣло и на прудѣ я увидалъ двухъ людей, плывущихъ въ лодкѣ.

— Разъ, два, три, сказалъ Ваня, и мы крикнули такъ громко, какъ только могли. Тотчасъ одинъ изъ людей услышалъ насъ и они начали грести къ острову.

Мы принесли попугая съ клѣткой, Ваня успѣлъ поймать кота; въ это время лодка приплыла въ острову и мы готовы были сѣсть въ нее. Люди сказали намъ, что дома всѣ страшно перепугались и разослали людей розыскивать насъ по всѣмъ окрестностямъ. И когда насъ нигдѣ не могли найти, то подумали, не упали ли мы въ прудъ, играя на берегу и не утонули, поэтому этихъ двухъ людей и послали въ лодкѣ обыскивать дно.

Когда мы пришли домой, то застали всѣхъ вставшими и всѣ были такъ рады видѣть насъ, что забыли даже сердиться; только мама много плакала, и я далъ себѣ обѣщаніе никогда не дѣлать ничего подобнаго, не предупредивъ ее.

III.

Какъ Фанни попала въ бѣду.

— Ну, Фанни, сказала Поля, такъ какъ вы первая предложили разсказывать исторіи и сами еще не разсказали намъ ни одной, то мнѣ кажется, что теперь ваша очередь. Не можете-ли вы припомнить чего нибудь изъ разсказовъ вашей мамы съ Егоровой.

«Но ихъ разговоры трудно передать, потому что они запутаны, отвѣчала Фанни. Знаете, мама скажетъ нѣсколько словъ, потомъ Егорова; иногда онѣ говорятъ громко, иногда шопотомъ; иногда мама пошлетъ меня зачѣмъ нибудь въ самой серединѣ разсказа, а когда я возвращаюсь, то ужъ онѣ говорятъ о другомъ. Поэтому очень трудно составить изъ ихъ разговоровъ настоящую исторію, такъ какъ я слышу только отрывки. Да послѣ того, какъ я попала въ бѣду черезъ ребенка Малининой, я боюсь повторять чужіе разговоры.

— Какъ же это случилось? закричали Поля и Маша вмѣстѣ, разскажите намъ.

— Ну въ какую бѣду можетъ попасть дѣвочка? сказалъ Яша, я думаю, что это случается только съ мальчиками.

— Нѣтъ, бываетъ и съ дѣвочками, отвѣчалъ Коля. Я ихъ

хорошо знаю: онѣ лучше мальчиковъ умѣютъ скрытничать и лучше выпутываются изъ бѣды. Но съ ними тоже бываютъ непріятные случаи.

-- Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Яша, ну такъ мнѣ очень хочется услышать разсказъ о вашей бѣдѣ, Фанни.

«Извольте, я разскажу. Знаетъ-ли кто изъ васъ Анну Ивановну Малинину, богатую помѣщицу, у которой такое большое имѣніе, въ трехъ верстахъ отъ нашего города? начала вопросомъ свой разсказъ Фанни.

— Да, я знаю ее очень хорошо, отвѣчалъ Коля.

«Въ такомъ случаѣ вы знаете, что она не очень то добраго характера, сказала Фанни.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Коля, я никогда не разговаривалъ съ нею, поэтому я ничего не могу сказать о ея характерѣ.

«А я думала, что вы съ ней хорошо знакомы, сказала Фанни.

— Я только нѣсколько разъ видалъ ее въ церкви, отвѣчалъ Коля.

«Мы знаемъ ее уже много лѣтъ, сказала Фанни, такъ давно, какъ я себя помню. Она училась съ мамой вмѣстѣ въ пансіонѣ и онѣ были очень дружны между собой. Она всегда приглашала маму и папу къ себѣ, когда у нея собирались гости; со мной она тоже всегда была очень ласкова, часто дѣлала мнѣ подарки, потому что вѣдь у нея не было своихъ дѣтей до прошлаго года, когда у нее родился маленькій мальчикъ, сынъ и наслѣдникъ, какъ его называютъ и такъ было весело на его крестинахъ. Мы были на этомъ праздникѣ; ихъ деревенскій садъ былъ великолѣпно убранъ мастеромъ, нарочно выписаннымъ для этого изъ Москвы; въ саду играла отличная музыка, на лугу передъ домомъ танцовали, а вечеромъ весь садъ освѣтили разноцвѣтными фонарями.

— Какъ это прелестно было! сказала Поля, и вы долго тамъ оставались?

«До десяти часовъ, отвѣчала Фанни! я была одѣта въ новое кисейное платье съ розовымъ поясомъ и новую шляпку съ розовыми цвѣтами. Было столько гостей, что вы и представить себѣ не можете. И мы обѣдали въ палаткѣ. О это было такъ восхитительно, но я думаю, что теперь Анна Ивановна никогда не пригласитъ меня опять.

— Но что же вы тогда сдѣлали съ ребенкомъ? спросилъ Коля. Вы носили его на рукахъ?

«Носила ребенка? Да, кто же бы мнѣ это позволилъ? возразила Фанни. Дитя всего разъ вынесли на лужайку, въ длинномъ кружевномъ платьи и нарядкомъ чепчикѣ, чтобъ показать гостямъ. Въ этотъ день я только и видѣла его.

— Да какая-же бѣда приключилась съ вами черезъ него? спросилъ Коля.

«Я сейчасъ разскажу вамъ, отвѣчала Фанни.

Черезъ нѣкоторое время послѣ крестинъ, ужъ мальчику было нѣсколько мѣсяцевъ, Анна Ивановна прислала его къ намъ съ няней въ каретѣ, чтобъ показать моей мамѣ. Мама послала за мной, чтобы и я тоже посмотрѣла на малютку. И въ самомъ дѣлѣ это была такая миленькая крошка съ мягкими, какъ ленъ волосами, пухленькими ручками и кругленькимъ розовымъ ротикомъ. Мнѣ ужасно захотѣлось посмотрѣть на его голыя ноженки, вы, конечно, знаете, какія онѣ хорошенькія у дѣтей и всѣ няньки обыкновенно показываютъ ихъ. Но когда я эту няню попросила показать мнѣ ножки, то она отвѣчала: «Нѣтъ, барышня, лучше не надо». И сейчасъ же увезла мальчика.

Я очень удивилась, что няня не показала мнѣ дѣтскихъ ножекъ и никакъ не могла понять почему. Я хотѣла спросить у мамы, да не успѣла, потому что меня позвали къ учителю музыки; но съ тѣхъ поръ я больше и думать ни о чемъ не могла.

Черезъ день или два Егорова пришла посидѣть къ мамѣ. Случилось, что въ это утро мнѣ понадобилось прійти въ гостиную за книгой, которую я оставила тамъ наканунѣ вечеромъ. Я не нашла книги сейчасъ и пока искала, я, конечно, слышала о чемъ мама говорила съ Егоровой. Первое, что поразило меня это слова мамы:

— Такая жалость, что у него кривыя ноги!

Это вѣрно у сына Анны Ивановны, подумала я.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Егорова. Ну, не знаю, чѣмъ же тутъ можно помочь?

— Ничѣмъ, отвѣчала мама. Я совершенно понимаю какой это недостатокъ, но его нельзя излечить. Съ кривыми ногами человѣкъ не можетъ свободно двигаться и быть ловкимъ.

— Какъ непріятно смотрѣть на такихъ людей, сказала Егорова.

— Но перемѣны также непріятны, притомъ можно попасть на худшихъ, отвѣчала мама.

— Ну, я бы все таки перемѣнила, сказала Егорова. Еслибы Сергѣй былъ мой, я сейчасъ освободилась-бы отъ него.

Да, это ребенокъ Анны Ивановны, подумала я про себя, вѣдь его тоже зовутъ Сергѣемъ. Какую ужасную вещь я узнала. Я цѣлый день думала, что значатъ кривыя ноги и знаетъ-ли Анна Ивановна, что ея сынъ будетъ такимъ некрасивымъ, когда выростетъ, что всякому будетъ непріятно видѣть, какъ онъ двигается по комнатѣ. И какъ будетъ ужасно, если его перемѣнятъ на другаго мальчика! А когда я вспоминала о его миленькомъ личикѣ, крошечномъ ротикѣ и пухленькихъ ручкахъ и думала, что если его отдадутъ чужимъ, что они пожалуй будутъ дурно обращаться съ нимъ, я просто не могла удержаться отъ слезъ.

Пока моя няня переодѣвала меня, я спросила у нее, что значатъ кривыя ноги?

— Кривыя ноги? Зачѣмъ вамъ это? спросила она.

«Да знаешь ли, няня, что у сына Анны Ивановны кривыя ноги? сказала я, не правда-ли, какъ это ужасно? А когда онъ выростетъ большой, то будетъ такъ неловокъ и некрасивъ, что мама и Егорова, обѣ говорятъ, что имъ будетъ противно оставаться съ нимъ хоть на минуту въ одной комнатѣ Онѣ боятся, что Анна Ивановна будетъ принуждена избавиться отъ бѣднаго малютки и промѣнять его на другое дитя.

— Она не можетъ этого сдѣлать, отвѣчала няня, она обязана держать его, потому что это ея ребенокъ. Но, дорогая моя, какъ это ужасно! И онъ наслѣдникъ всего ихъ богатства. Видите, какіе случаи бываютъ на свѣтѣ. Всѣ ихъ деньги не помогутъ ему. Какъ можетъ онъ радовать ихъ, если будетъ только уродливымъ калѣкой.

«Конечно, лучше ничего не имѣть, да быть съ прямыми ногами, сказала я няни.

— Разумѣется, отвѣчала няня, но отъ кого вы слышали объ этомъ?

«Я слышала, какъ мама разговаривала объ этомъ съ Егоровой, пока я искала свою французскую книгу, отвѣчала я.

— Ну, такъ это вѣрно, иначе ваша мама не разсказывала

бы объ этомъ, потому что она всегда была близка съ Малининой, сказала няня. И только представить себѣ, что такое хорошенькое дитя никогда не будетъ бѣгать; и какой ударъ для ихъ гордости имѣть такого наслѣдника. Странно только, что мы объ этомъ ничего не слыхали прежде.

Нѣсколько дней послѣ этого, все думала я о бѣдномъ ребенкѣ съ кривыми ногами, увижу-ли я его, когда онъ выростетъ, будетъ ли онъ очень безобразенъ, и обмѣняетъ ли его Анна Ивановна на другаго или нѣтъ.

Разъ мы гуляя съ мамой по бульвару, увидали коляску Малининой, въ которой сидѣла она съ няней и ребенкомъ. Я должна признаться, что обрадовалась, увидавъ того-же самаго милаго мальчика и узнавъ что Анна Ивановна не избавилась отъ него, какъ хотѣла поступить Егорова. Мама подошла къ колискѣ, заговорила съ Анной Ивановной, но та едва отвѣчала ей, а когда мама обратилась къ малюткѣ, то Малинина взяла его изъ рукъ няни, повернула къ мамѣ спиной и велѣла кучеру ѣхать дальше.

Я замѣтила, что мама очень огорчилась, да и сама я никакъ не могла представить себѣ, почему Анна Ивановна, которая всегда была такъ любезна съ мамой, сегодня такъ дурно обошлась съ ней. Но мама сама ничего не сказала объ этомъ, а мнѣ самой не хотѣлось спрашивать у нее.

Когда мы вернулись домой, она разсказала объ этомъ папѣ, а онъ сказалъ: «Я бы подумалъ, что она просто не въ духѣ сегодня, еслибъ не встрѣтилъ сейчасъ на улицѣ Малинина; послѣ принужденнаго поклона, онъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ принимать участія въ томъ дѣлѣ, о которомъ я недавно говорилъ ему, и что пришлетъ назадъ мнѣ мои бумаги. Я спросилъ его, не остался ли онъ чѣмъ нибудь недоволенъ, но онъ отвѣчалъ: О нѣтъ, есть совершенно другая причина, но я не хочу говорить о ней и только предпочитаю не участвовать съ вами въ этомъ дѣлѣ».

Я не знаю, про какое дѣло они говорили, только оба, папа и мама, казались очень огорченными и говорили, что для нихъ будетъ большая потеря, если Малининъ откажется, и я припоминаю, какъ папа говорилъ, что для него легче было-бы

потерять нѣсколько тысячъ рублей. Потомъ они долго разговаривали объ этомъ, но я ничего не могла понять.

Спустя недѣлю, къ мамѣ пріѣхала въ гости одна дама и сказала ей: «Я, конечно, встрѣчу васъ 18-го у Малининыхъ, у нихъ будетъ большой праздникъ, разослано болѣе восьмидесяти приглашеній».

— Въ самомъ дѣлѣ? удивилась мама.

— Да, отвѣчала дама. И скажите пожалуста, правда-ли, что пріѣдетъ мать Малининой и братъ ея Григорій?

— Увѣряю васъ, что я ничего не знаю объ этомъ, отвѣчала мама, повидимому очень огорченная.

— О, а я думала, что вы навѣрное все знаете, потому что были всегда очень близки съ Анной Ивановной.

Когда папа воротился домой, какъ разъ передъ обѣдомъ, я слышала, какъ мама разсказывала ему о своемъ разговорѣ съ пріѣзжавшей дамой; папа казался очень разсерженнымъ на Малининыхъ и удивлялся, что мама огорчается такими пустяками. Но мама сказала, что она никакъ не можетъ вспомнить, чѣмъ разсердила свою пріятельницу и начала припоминать малѣйшія подробности ихъ послѣдняго свиданія.

Вдругъ, какъ молнія, блеснула у меня мысль, что можетъ быть Егорова передала Аннѣ Ивановнѣ свой разговоръ съ мамой о ребенкѣ. Сначала мнѣ не хотѣлось напоминать объ этомъ, но когда я вспомнила, что папа говорилъ, какъ ему важно, не ссориться съ Малининымъ, то призвавъ на помощь все свое присутствіе духа, сказала: «Мама! не за ножки-ли Сережи разсердилась Анна Ивановна»?

— Что? воскликнула мама, смѣясь. Чѣмъ тутъ виноваты его ножки? Какая ты глупая дѣвочка, Фанни. Да къ тому же это совсѣмъ не твое дѣло, моя милая.

«Но, мама, можетъ Малининой не понравилось, что вы разсказывали, что у ея сына кривыя ножки.

— Я разсказывала, что у ея сына кривыя ножки?

— Да конечно же, мама. Можетъ вы вспомните, я въ то утро входила въ гостиную за своей французской книгой, а вы разсказывали Егоровой, что у сына Малининыхъ кривыя ноги, что онъ всегда будетъ очень уродливъ и что вамъ было-бы очень непріятно видѣть его около себя. А Егорова прибавила, что она

непремѣнно избавилась-бы отъ него, если-бы онъ былъ ея. Я тогда-же спросила няню, что значатъ кривыя ноги.

Мама съ минуту или двѣ смотрѣла на меня съ удивленіемъ, какъ бы не понимая о чемъ я говорю, а потомъ разсмѣялась больше прежняго и наконецъ сказала:

— Я все таки не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ моимъ непріятностямъ съ Анной Ивановной. Что же касается ногъ Сережи, то онѣ также прямы, какъ и твои. И говорила я съ Егоровой о Сергѣѣ, нашемъ новомъ лакеѣ, который такъ неловокъ, что мы пожалуй будемъ принуждены ему отказать. Я хорошенько не припомню, можетъ и сказала, что у него кривыя ноги.

— Да, мама, вы сказали, а потомъ назвали его Сергѣемъ, а я и подумала, что вы непремѣнно говорите про сына Малининыхъ, тѣмъ болѣе, что его няня не хотѣла мнѣ показать ножекъ, когда была съ нимъ здѣсь въ послѣдній разъ.

— Это потому, отвѣчала мама, что мальчикъ былъ голоденъ и няня боялась тревожить его, чтобъ онъ не расплакался. Но ты вѣрно разсказала еще кому нибудь эту смѣшную исторію? Ты должна сейчасъ же сказать кому именно, потому что это очень важно для папы.

— Я сказала только своей нянѣ, отвѣчала я.

Мама послала за няней и стала распрашивать ее и тутъ только открылось, что няня въ тотъ же вечеръ видѣлась съ своей сестрой и разсказала ей, что мама говоритъ, будто маленькій сынъ Малининыхъ—кривоногій и никогда не будетъ въ состояніи ходить. Сестра няни была замужемъ за садовникомъ Малининыхъ и такимъ образомъ слухъ этотъ дошелъ до Анны Ивановны.

Мама сейчасъ же передала всю эту исторію папѣ, который, выслушавъ ее, сказалъ:

— Ты сейчасъ-же должна взять Фанни и ѣхать съ ней къ Малининымъ; ты должна сказать откуда произошелъ этотъ нелѣпый слухъ и что мы тутъ нисколько не виноваты. Я надѣюсь, Фанни, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что это отъучитъ тебя отъ глупой привычки подслушивать чужіе разговоры и передавать ихъ потомъ другимъ. Ты не можешь понять сколько вреда надѣлала мнѣ.

Папа еще долго бранилъ меня, потому что былъ очень разсерженъ.

Сейчасъ послѣ обѣда мама велѣла запречь карету и мы поѣхали въ деревню Малининыхъ. Вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было страшно. И знаете, я въ самомъ дѣлѣ желала, чтобъ наша карета сломалась и мы никогда не доѣхали бы туда. Но этого не случилось; когда мы пріѣхали, мама спросила домали Анна Ивановна, и насъ сейчасъ же провели въ гостинную, гдѣ она сидѣла.

— Что же вы сказали ей? спросила Поля, на вашемъ мѣстѣ я, кажется, умерла бы отъ страху.

«Да я чуть было и не умерла, отвѣчала Фанни. Я не помню какъ, но мама и Анна Ивановна начали говорить разомъ, и тогда я узнала, что весь мой разговоръ съ няней переданъ былъ послѣдней и очень ее огорчилъ.

Я была такъ сконфужена, что не могу припомнить теперь ихъ разговора, я знаю только, что мама обратилась ко мнѣ и сказала: «Теперь эта глупая дѣвочка сама разскажетъ вамъ, что это просто нелѣпая ошибка съ ея стороны».

Такимъ образомъ я принуждена была разсказать всю исторію и прежде, чѣмъ я кончила, въ комнату вошелъ самъ Малининъ. Анна Ивановна остановила меня и разсказала ему обо всемъ; потомъ я должна была продолжать свой разсказъ при немъ, смотря на него ужъ и не могу сказать какими глазами. Когда кончила, я услыхала, какъ онъ сказалъ хоть не совсѣмъ громко. «какая вредная маленькая сплетница»!

— Какъ это было ужасно, сказала Маша.

«И не говорите лучше, просто страшно вспомнить, сказала Фанни. Вы себѣ представить не можете, какъ я была рада, когда сѣла въ карету и поѣхала домой. Я проплакала весь остальной вечеръ и вы не удивитесь, если я скажу, что дала себѣ слово, никогда, никогда не разсказывать того, что услышу отъ другихъ.

— Ну, а ваши папа и мама помирились съ Малиниными? спросилъ Коля.

«Да, отвѣчала Фанни, потому что на слѣдующее же утро они получили приглашеніе на большой балъ. Что же касается папиныхъ дѣлъ, то я ничего не могу сказать вамъ, потому что

папа съ мамой ни о чемъ не говорили при мнѣ больше, но кажется, что Малининъ и папа по прежнему хороши между собой; только ко мнѣ они очень перемѣнились съ тѣхъ поръ; Анна Ивановна никогда не дѣлаетъ мнѣ подарковъ и не приглашаетъ по прежнему къ себѣ въ гости, и, когда я встрѣчаюсь съ Малининымъ, мнѣ все кажется, что глядя на меня, онъ думаетъ: «какая вредная маленькая сплетница»!

Съ англійскаго.

ЧАШКА ЧАЮ.

Папа съ мамой собрались уйти изъ дому, а дѣтей оставили; Миша былъ не совсѣмъ здоровъ, а Катя должна была съ нимъ играть.

«Будь умница», сказала, уходя, мамаша своей маленькой дѣвочкѣ, «когда Миша проснется, ухаживай за нимъ хорошенько, играйте вмѣстѣ и уступай ему—ты знаешь, онъ у насъ что то нездоровъ, а когда захотите чаю, то позовешь Матрену».

Катя все исполнила, какъ сказала ей маменька, только не позвала Матрены.

«Зачѣмъ Матрену», подумала Катя, «я сама напою чаемъ Мишу, не нужно намъ ее. Миша будетъ теперь папаша, а я мамаша; я буду хозяйничать и мы вмѣстѣ будемъ пить чай изъ нашихъ миленькихъ новыхъ чашекъ. Ахъ! какъ это будетъ весело»!

Сначала все шло хорошо. Катя была смышленная дѣвочка и осторожно достала изъ шкапа чашки и чайныя ложечки; затѣмъ ловко сняла чайникъ съ стоявшаго въ передней самовара, что было очень трудно, ибо чайникъ былъ горячъ. Но бѣда въ томъ, что Катя не замѣтила, какъ мамаша обыкновенно разливала чай. Она не знала, что настоявшійся чай надо разбавлять водой, а потому весь чай, который былъ въ чайникѣ, вылила въ Мишину чашку съ золотымъ ободочкомъ. Конечно, чай былъ очень крѣпкій, темнокоричневаго цвѣта, но что за бѣда. Вѣдь папенька сегодня утромъ пилъ кофе точно такого цвѣта и говорилъ, что кофе былъ очень слабъ. Жаль только, что въ чайникѣ ничего не осталось для Кати. Это ее опечалило тѣмъ болѣе, что это случилось совершенно неожиданно; посмотрѣвши

въ чайникъ и увидѣвши, что на днѣ лежатъ только однѣ чайные листочки, она даже не вѣрила своимъ глазамъ.

Между тѣмъ Миша ничего объ этомъ не зналъ, а потому удивленный спросилъ: «Отчего же, Катя, ты себѣ не наливаешь чаю»? Но Катя поспѣшно отвѣтила ему: «Мнѣ не хочется, пей ты одинъ, Миша». Затѣмъ она быстро повернулась къ окошку, потому что не могла смотрѣть безъ слезъ ни на Мишинъ чай, ни на свою пустую чашку. А тутъ еще Миша сталъ похваливать: то чай очень вкусенъ, то его чашка съ золотымъ ободочкомъ очень красива.

Въ это время вошла въ комнату Матрена; удивилась только, улыбнулась, похвалила Катю за то, что она такъ исправно все сдѣлала и наконецъ спросила ее: «А тебѣ чай показался тоже такимъ вкуснымъ»? Тутъ наша бѣдная дѣвочка не могла уже выдержать; хотя она старалась казаться веселою, но, при этомъ вопросѣ Матрены, концы ея ротика стали сильно подергиваться и ея личико приняло совсѣмъ плаксивый видъ. А Миша между тѣмъ преспокойно послѣ чаю улегся на диванѣ; щечки его сильно раскраснѣлись и онъ былъ очень доволенъ и веселъ.

Пришла очередь дѣтямъ играть. Съ этою цѣлью Катя принесла много разныхъ вещей. Были тутъ и куклы, и игрушки, и карты. Катя, помня приказаніе мамаши, что она должна хорошенько ухаживать за больнымъ братомъ, старалась быть вполнѣ любезною и услужливою, но Миша велъ себя почему-то сегодня очень странно и былъ совсѣмъ не въ духѣ, не смотря на то, что одинъ выпилъ весь сладкій чай изъ своей новенькой красивенькой чашки! Онъ хохоталъ, болталъ, разбрасывалъ куклы, рвалъ карты, плакалъ и жаловался, что ему очень жарко. Наконецъ снялъ башмаки, бросилъ ихъ на середину комнаты и сталъ кричать, что у него болитъ голова и что ему хочется спать.

«Миша», сказала Катя, «дорогой Миша, зачѣмъ ты сегодня такъ капризенъ! Какъ можетъ у тебя болѣть голова, когда ты выпилъ столько хорошаго чаю? Ну постой, дружочекъ, я сяду возлѣ тебя и буду тебѣ разсказывать объ очень хорошихъ вещахъ; это тебѣ очень, очень понравится».

Затѣмъ она стала разсказывать ему то, о чемъ дядюшка читалъ имъ въ прошлый вечеръ—о Китаѣ и Китайцахъ, о томъ какъ они срываютъ, сушатъ и укладываютъ чай.

«Фу! замолчи, Катя»! закричалъ вдругъ Миша, и стащивши съ ногъ свои красные чулки, съ досадой бросилъ ихъ. «Твои разсказы скучны, я все это знаю! Мнѣ гораздо больше нравится то, что мнѣ на прошлой недѣлѣ читалъ дядя Павелъ. Ступай отъ меня прочь, Катя. Ты сегодня какая-то большая и горячая и ужасно тяжело сидишь на диванѣ».

Послѣ этого оставалось только уложить спать маленькаго буяна; пришла Матрена, раздѣла его, перенесла на кроватку и уложила на прохладную постельку. А Катя между тѣмъ тихонько отошла и сѣла у окна, стала смотрѣть на звѣздное ночное небо и задумалась о томъ, гдѣ теперь ея дорогая мама. Но тутъ ей опять пришло на умъ, какъ непріятно было то мгновеніе, когда она открыла крышку чайника и не нашла въ немъ для себя ни одной капельки вкуснаго чаю, а также почему Миша былъ сегодня такъ безпокоенъ и капризенъ. Пробило наконецъ девять часовъ. Тогда Катя, чтобы не разбудить маленькаго брата, встала потихоньку и пошла на цыпочкахъ черезъ его комнату къ своей кроваткѣ. Раздѣвшись безъ шуму, она, едва только приложила головку къ подушкѣ, уснула тихимъ и сладкимъ дѣтскимъ сномъ.

Вы догадываетесь конечно, что не такъ вышло съ Мишей. Онъ, правда, лежалъ на кровати, но еще не спалъ, водилъ только кругомъ глазами и хотѣлъ было начать плакать, полагая, что онъ уже не заснетъ. Вдругъ ему показалось, что кто то въ его комнатѣ произнесъ—пст! и онъ слышитъ вмѣстѣ съ этимъ маленькій шумъ, какъ будто что-то движется кругомъ него по краямъ его кроватки; онъ поднимаетъ голову и—о чудо! видитъ, что его собственная чашка съ золотымъ ободочкомъ преспокойно гуляетъ себѣ кругомъ него по краямъ кроватки. «Вотъ странно, думаетъ Миша, и садится на подушку, чтобы посмотрѣть, не Катина ли это по крайней мѣрѣ чашка съ болѣе широкимъ голубымъ ободочкомъ. Но, Боже мой! что видитъ онъ? Въ чашкѣ, будто въ колискѣ, сидитъ очень красивенькая крошечная дѣвочка.

«Кто ты такая и что здѣсь дѣлаешь»? спрашиваетъ удивленный Миша.

Дѣвочка между тѣмъ выходитъ изъ чашки, дѣлаетъ сперва Мишѣ миленькій поклонъ и затѣмъ отвѣчаетъ ему: «Я чашка

вкуснаго крѣпкаго чаю, и теперь ѣду назадъ въ Китай, такъ какъ я оттуда родомъ».

При этомъ Миша увидѣлъ, что она одѣта въ хорошенькое платье изъ оловяннаго листка и удивительно пріятно пахнетъ чаемъ.

«Однако, послушай», закричалъ сердито Миша, «я не позволю тебѣ уѣхать отсюда въ моей чашкѣ, въ моей новенькой чашкѣ, которую мнѣ подарилъ дядя».

«Поѣзжай, если хочешь, за мною», отвѣчаетъ малютка, но при этомъ преспокойно усаживается опять въ чашку въ своей свѣтлой одёженькѣ и ни мало не заботится о томъ, что ея колясочка принадлежитъ Мишѣ.

«За тобою»? говоритъ Миша, «я, пожалуй, охотно поѣхалъ бы съ тобою; будетъ ли для меня мѣсто въ чашкѣ»?

«Нѣтъ», отвѣчаетъ малютка, «я одна только могу помѣститься въ своемъ экипажѣ; тебѣ нужно попросить, чтобы тебя завернули въ оловянные листы и повезли на горбатомъ верблюдѣ, а это моя собственная колясочка».

Съ этими словами она отправилась въ дальнѣйшій путь, а края кровати и вся комната стали пахнуть чаемъ.

Миша поспѣшно бросается вслѣдъ за нею, вскакиваетъ, ищетъ свое платье, но не находитъ; и на босую ногу прыгаетъ по всей комнатѣ, чтобы поймать обѣщаннаго ему верблюда, который далеко уходитъ отъ него и на самомъ дѣлѣ былъ не верблюдъ, а маленькая Катина собаченка.

Вдругъ сильно что-то зажурчало, и онъ увидѣлъ себя стоящимъ между двумя большими рѣками.

«Гдѣ же это я», спрашиваетъ онъ самъ себя. А тутъ по волнамъ рѣки опять плыветъ его маленькая чашка; онъ смотритъ съ удивленіемъ и думаетъ про себя: «Развѣ она не отправилась въ Китай»? Но дѣвочка уже не сидитъ въ чашкѣ, а какой-то крошечный Китаецъ, точь въ точь какъ тотъ, который нарисованъ на маменькиномъ чайномъ ящикѣ. У плывущаго въ чашкѣ Китайца сидитъ на спинѣ кошка, а на макушкѣ совсѣмъ выбритой головы торчитъ длинный клокъ волосъ.

«Кто ты такой»? спросилъ его Миша.

«Я чашка крѣпкаго чаю», отвѣчаетъ ему человѣчекъ, «меня зовутъ Тсангъ-пе, и я ѣду на своемъ собственномъ кораблѣ

прямо въ Китай. Вотъ это Желтая рѣка, а то Голубая; ты долженъ знать это, дядюшка твой разсказывалъ тебѣ о нихъ».

«Ну хорошо», прерываетъ его Миша, «но вѣдь ты знаешь, я тоже долженъ ѣхать въ Китай, она мнѣ прямо это сказала».

«Кто тебѣ это сказалъ»? спрашиваетъ человѣчекъ.

«Маленькая! маленькая, которая такъ сильно пахла чаемъ», отвѣчаетъ ему съ нетерпѣніемъ мальчикъ.

«Я тоже пахну чаемъ», сказалъ Китаецъ, и говорилъ совершенную правду; «какъ же ее зовутъ»?

Миша совсѣмъ тутъ растерялся и говоритъ: «чашка крѣпкаго чаю»!

«Нѣтъ»! сказалъ крошка изъ чашки, «Ты меня этимъ оскорбляешь, это мое настоящее имя! Я хотѣлъ было тебѣ подарить мою маленькую кошку, а теперь не дамъ». Съ этими словами онъ поплылъ себѣ дальше на корабликѣ съ золотымъ ободочкомъ.

«А моя чашка, моя хорошенькая чашка»! Тутъ Миша дѣйствительно сталъ плакать; онъ съ удовольствіемъ побѣжалъ бы въ Китай, но двѣ большія, глубокія и широкія рѣки страшно шумятъ у его ногъ и сильно пахнутъ чаемъ.

Но тутъ мама подошла къ кроваткѣ своего ребенка и, наклонившись къ нему громко зоветъ: «Миша! Миша»! и отъ мамы вдругъ повѣяло превосходнымъ запахомъ свѣжихъ цвѣтовъ. При этомъ голосѣ Миша открываетъ глаза, но все таки продолжаетъ говорить: «я хочу ѣхать въ Китай...!» Ну, вотъ въ концѣ концовъ оказывается, что нашъ маленькій Миша все таки спалъ и все это онъ видѣлъ только во снѣ; онъ не хочетъ уже теперь уйти отъ своей дорогой мамы, обнялъ ее своею крошечною рученкою и крѣпко цѣлуетъ ее. «Ты такъ горячъ и щечки твои такъ сильно раскраснѣлись», говоритъ ему мама, «вѣрно тебѣ приснился нехорошій сонъ».

«Да»! отвѣчалъ Миша. И въ самомъ дѣлѣ вѣдь это былъ очень смѣшной сонъ: представь себѣ, маленькая дѣвочка ѣхала въ моей чашкѣ, а я хотѣлъ поѣхать съ нею».—«Съ нею? Куда же»?

«Въ Китай! Но постой, мама, когда нибудь мы не въ чашкѣ отправимся, а построимъ себѣ большой большой, корабль и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ Китай и папа, и ты, и Катя, и дядя».

«Ну хорошо, хорошо»! при этихъ словахъ мама, подержавши нѣсколько времени свою холодную руку на Мишиной головкѣ,

перевернула подушку и поцѣловавъ, уложила Мишу; «ну теперь спи спокойно», «вѣрно ему дали очень крѣпкаго чая, сказала она у него очень безпокойный сонъ».

***

КОРЗИНЩИКЪ.

Для плетенія корзинъ необходимо имѣть основу, утокъ и крючокъ.

Основою корзинъ, которыя плетутся изъ ивовыхъ прутьевъ или изъ дранокъ, служатъ тѣже ивовыя прутья или дранки, только нѣсколько толще, или нѣсколько прутьевъ и дранокъ складываются вмѣстѣ; основы заплетаются утокомъ изъ того же матеріала изъ котораго дѣлается корзина, и каждая нить утока переплетется поочередно вверхъ и внизъ, или впередъ и назадъ отъ частей составляющихъ основу. Къ веснѣ мы ознакомимся подробнѣе съ работами изъ ивовыхъ прутьевъ и дранокъ, а теперь укажемъ какъ плетутся корзинки изъ бумаги.

Прежде всего берется нѣсколько листовъ цвѣтной бумаги и нарѣзываются узкими полосками примѣрно въ ту ширину, какъ показано на приложенныхъ таблицахъ. Когда полоски приготовлены, тогда изъ дамскаго картона и такихъ спичекъ какія идутъ для строителя изъ гороха, приготовляютъ основу слѣдующимъ образомъ: положимъ вы желаете сплести корзину или коробку въ родѣ изображенной на ненумерованной таблицѣ; для этого вырѣзаете прежде всего четыреугольное дно, потомъ верхнюю рамку такой же величины какъ и дно; накладываете ихъ одно на другое и толстою иглою протыкаете диры на сквозь сначала по угламъ, потомъ въ равныхъ между угольными дирами промежуткахъ. Въ эти дырки вставляете спички такой величины, какой высоты желаете имѣть корзинку и потомъ заплетаете разноцвѣтными полосками бумаги, по вашему вкусу, пропуская бумажки впередъ и назадъ черезъ одну спичку; чтобы бумажки не мялись, ихъ можно скручивать навивая на спичку, какъ показано на образцовой таблицѣ.

При настоящей книжкѣ приложены и рисунки четырехъ разныхъ предметовъ папочныя для нихъ основы; корзинки вы можете приготовить на Елку, въ которой вѣрно примите участіе. **Ю. С.**